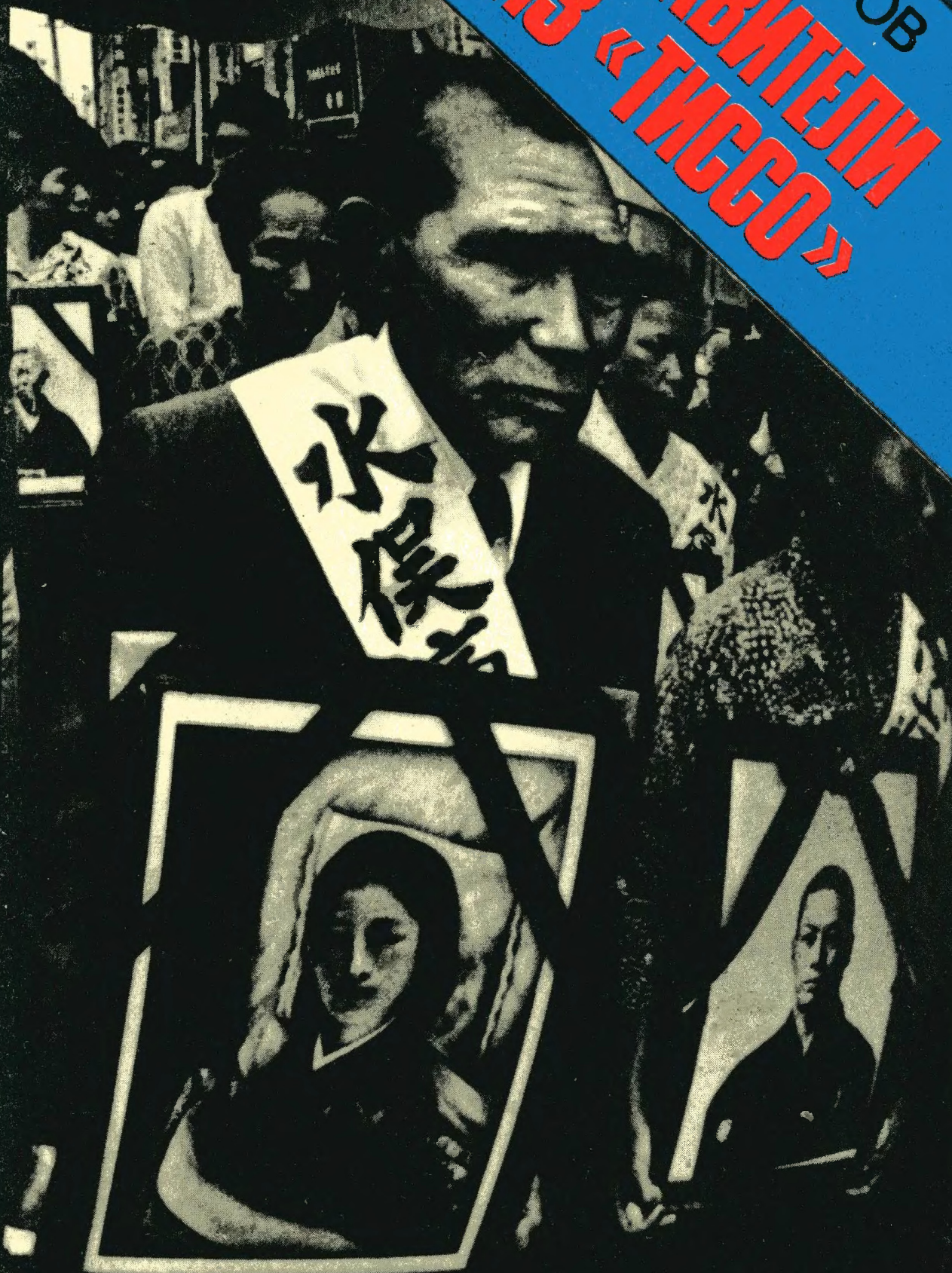

Владыки капиталистического мира

В. ЦВЕТОВ
**ОТРАВИТЕЛИ
ИЗ «ТИССО»**

Владыки
капиталистического
мира

В. ЦВЕТОВ

ОТРАВИТЕЛИ ИЗ «ТИССО»

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1980

65.9 (5Я)

Ц27

Цветов В. Я.

Ц27 Оправители из „Тиссо”. – М.: Политиздат, 1980. – 63 с., ил. – („Владыки капиталистич. мира”).

Минамата – поселок на восточном побережье острова Кюсю. Так именуется и болезнь, которая сравнительно недавно вошла в японские медицинские справочники. Причина этого недуга, вызывающего отмирание мышц рук и ног, поражение головного мозга, потерю речи, кроется в отравлении людей ртутными отходами, которые сбрасывались в воду предприятиями промышленных концернов. Именно они повинны в том, что 20,2% японских рек, 34,4% озер, 15,6% площади морской поверхности, окружающей страну, ныне представляют угрозу для жизни и здоровья людей.

В памфлете журналиста-международника В. Я. Цветова раскрывается отношение монополистического капитала к проблеме окружающей среды, разоблачается преступная деятельность „Тиссо” и других монополий, превративших Японию в одну из самых загрязненных стран мира.

Ц 10702–191 186–80 0804000000
079 (02) –80

65.9 (5Я)
33И

© ПОЛИТИЗДАТ, 1980 г.

„Расскажите всем! . .“

— Было время, когда мы кормили рыбу и рыба кормила нас. Женщины готовили из тутового шелкопряда и рисовых отрубей подкормку, мужчины отвозили ее в море. . . Приходила пора лова, и лодки возвращались, полные кефали, сельди, морского окуня, крабов, креветок. . .

Фудзиэ Сакамото говорит размеренно и тихо, и речь рыбацки словно шелест дождя, мелко сыплющегося на черепичную крышу.

— Видели вы когда-нибудь креветок, вытащенных сетью? Они как распутившаяся сакура. Красота-то какая. . . Красота и вдруг. . . смерть. Мою дочь Ми убили креветки. Убили. . .

Женщина будто окаменела. Живут только пальцы, потемневшие и потрескавшиеся, но все еще сильные, какими были тогда, когда крепко сжимали весла или трос, которым тянут сеть. Пальцы быстро перебирают грубо выстроченный край кимоно — чувствуется, что они не забыли тугую неподатливость толстых нейлоновых нитей, сплетенных в сеть.

— Раньше лодки везли столько окуня, что казалось, к берегу двигались золотые трепещущие горы. Помню, как я маленькой девочкой любила встречать рыбаков на берегу. „Смотрите, к нам едет „Дайкоку“, — кричала я. „Дайкоку“ — бог удачи и богатства — и впрямь частенько навещался к нам. . . На берегу кто дул в большие пустые раковины, кто плясал под эту музыку. . . Тарелки со свежей и жареной рыбой так тесно занимали в доме пол, что ни сесть, ни ступить негде. Была рыба, был и праздник. . . Ми уже не увидит этого. . . Шевелящиеся в сетях креветки как призраки, вышедшие из могил. . .

Фудзиэ Сакамото смолкает. Она неотрывно смотрит в широкий проем, образованный раздвинутыми сёдзи — тонкими деревянными стенками, из которых складывается японский дом. Пустынный берег. Безлюдная улочка, ведущая к нему. И тишина, от которой в сердце закрадывается холод. Женщина с усилием отрывает взгляд от берега, где ей, наверное, видится празднество, и снова льется голос, похожий на шелест дождя.

— Потом рыбы в заливе стало меньше. Праздник приходил в дома только тех рыбаков, кто лучше других знал, где искать косяки, и кому особенно везло. В их домах ели рыбы вдоволь. . . А если с кем в доме случалась болезнь, как у моих Ми и Синобу,

рыбаки выбирали из корзин с уловом самых жирных окуней и самых больших креветок и говорили: „Больные должны получать лучшую пищу, что мы в состоянии добыть”. Знать бы тогда, что креветки — это призраки из могил. . .

Синобу слушает мать и искривленными негнушимися руками пытается погладить кошку, взобравшуюся к ней на колени. Из-под низкой челки глядят нечеловеческие глаза — мир боли и горя. Внезапно крупная дрожь сотрясает тело девушки. Она стонет, хрипит. Неистовая сила крутит, выламывает тело и оставляет в покое так же неожиданно, как и схватывает. Привычным движением мать вытирает платком слюну с губ и подбородка дочери. Синобу еще жива, но матери она представляется призраком, креветкой, шевелящейся в сетях.

— Синобу, скажи что-нибудь.

— Я хочу сказать. . .

— Что?

— Мне одиноко. . . Правда. Правда. Правда. . . Подружек нет. Я плачу. Никто не дружит. . . не дружит со мной.

— Помнишь, как ты гуляла, когда была маленькой?

— Да. . . Помню. Тогда я гуляла. Теперь ползаю. Ползаю. Ползаю. . .

— А дедушку ты помнишь?

— Да. . . Помню. Он хороший. Играл. . . играл со мной. Он умер. „Болезнь минамата”. . . И сестра Ми умерла. Я плачу. Плачу. Плачу. . . Я хочу. . . умереть. Тоже умереть. . .

— Умереть?

— Страшно. . . Мне страшно. Что будет со мной. . . со мной, когда не станет отца с матерью. С матерью. . . Я хочу, чтобы все. . . все остались. Все. . . Мы — люди. Люди. Люди. . .

— Тебя не обижают мои вопросы?

— Нет. Приезжайте. . . Приезжайте еще раз. Здесь всем грустно. Грустно. Грустно. Всем. . .

— Ты хочешь, чтобы люди узнали о тебе?

— Да. . .

— Для этого ты и ездила в Стокгольм? Тебя там поняли?

— Да. . . Мама плакала. Я тоже. Тоже. Ехать не хотела. Но потом. . . поехала. Ради людей.

— Ты получила от „Тиссо” деньги. Что думаешь об этом?

— Деньги. Деньги. . . Но ничего не изменилось. Не изменилось. Болезнь осталась. Я хочу умереть. . . Умереть и родиться снова. Родиться такой, как все. Как все люди. Хочу, чтобы бог. . . бог дал мне язык, руки, ноги. Как у людей. Чтобы вернули мне язык. . . Всем расскажите. Всем. . .

— Поэтому ты и разрешила записать твой голос?

— Да. . . Хочу, чтобы все. . . все услышали эту пленку. Все. . .

. . . В июне 1972 года в Стокгольме собралась по инициативе ООН международная конференция по проблемам окружающей человека среды. Неподалеку от зала, где делегации 113 стран выраба-

тивали декларацию, в которой призывали мир не превращать научно-техническую революцию в средство уничтожения природы и, следовательно, человека, проходил другой форум — не официальный, но не менее значимый. В нем участвовали те, кто активно выступает за использование достижений науки в интересах прогресса, а не алчности, во имя всеобщего достатка и морального совершенства, а не извлечения максимальной прибыли. Среди участников „Народного форума в защиту окружающей среды” находилась Синобу Сакамото.

Синобу не может долго и громко говорить. О судьбе Синобу рассказала форуму мать, Фудзиэ Сакамото. В глубоком молчании несколько сот человек слушали горькую повесть и смотрели на ломкую фигурку девушки в белой блузке с надписью на груди: „Поднимите голос во спасение человечества!”, смотрели на руки девушки, походившие на иссохшие ветви старого дерева, на пальцы, однажды и навсегда сжавшиеся в спазме. Когда судороги охватывали тело Синобу, в зале прекращался даже шорох. Глазами, полными сострадания и ужаса, смотрели люди, как мать, прервав рассказ, обтирала платком лицо дочери.

— За три недели до рождения Синобу моя старшая дочь Маюми, мы ее звали просто Ми, почувствовала, что ей трудно ходить. Маюми было три года. 20 июля 1956 года родилась Синобу, а 21 июля Маюми поместили в больницу. — Фудзиэ Сакамото говорила, как всегда, ровно, не повышая голоса, но каждое ее слово набатно раздавалось в безмолвии зала. — Маюми сначала ослепла, потом перестала глотать, и у нее начались конвульсии. Живой она домой не вернулась. Мы похоронили Маюми, а я думала, что взамен одной жизни небо дало другую, оно даровало нам Синобу. Мне казалось, что я родила здоровенькую девочку.

В этот момент Синобу забилась в судорогах. Мать прижала ее к себе, не позволяя упасть. Когда Синобу задышала ровно, Фудзиэ Сакамото заговорила снова:

— Прошло время, и у Синобу открылась та же болезнь, что и у Маюми. Теперь мы знаем: Синобу отравлена еще в моем чреве. — В голосе Фудзиэ Сакамото впервые обозначилась пронзительная нота. — Ведь я, как и все жители поселка Минамата, ела рыбу, выловленную в заливе, куда завод корпорации „Тиссо” спускал отходы производства. Они содержали ртуть.

Международная конференция ООН завершилась принятием декларации, получившей наименование „Стокгольмской”. В ней указывалось: „Охрана и улучшение среды, в которой живет человек, представляет собой важнейшую проблему, отражающуюся на благополучии народов и экономическом развитии повсюду в мире. Охрана и улучшение среды отвечают устремлениям народов всего мира и являются святой обязанностью всех правительств”. Тогдашний начальник японского Управления по охране окружающей среды, член правительственного кабинета Буити Ойси заявил на конференции, что Япония полностью поддерживает декларацию.

Синобу Сакамото и ее мать отправляются в Стокгольм

Теплоход неспешно двигался мимо берега. Память воскрешала прочитанные в детстве книги о путешествиях в экзотические страны и рекламные плакаты, с которыми я познакомился в туристском агентстве. Фантазия, рожденная книгами, и произведения современной полиграфии оказались, однако, бледней картины, что предстала моим глазам. Густо заросшие невысокие горы причудливыми уступами спускались к голубой воде, пологие, словно позолоченные закатным солнцем волны катились к зеленому берегу. Восхищался не только я. Туристы, сгрудившиеся на палубе, без устали щелкали затворами фотоаппаратов. „Прекрасно! Чудесно! А мы-то думали, что здесь зловонное болото! — раздавались на палубе возгласы. — Неужели это и есть залив Минамата?“ Да, теплоход плыл через залив Минамата. И от яркой его красоты еще ужасней становилась мысль: здесь притаилась смерть.

Первые признаки трагедии, обрушившейся на рыбаков и крестьян залива Минамата, были загадочными и жуткими, будто злые волшебники разыграли на берегу залива страшную сказку. Однажды в прибрежном поселке — он тоже называется Минамата — взбесились кошки. Они дико визжали, стрелой носились по улицам, с размаха налетали на дома и людей, а затем кидались к морю, прыгали в волны и тонули. Чайки взмывали к небу, складывали вдруг крылья, штопором вонзались в воду и оставались, бездыханные, там. Окунь подплывали к самому берегу, и были они такими сонными, такими вялыми, что дети руками без труда ловили их. Потом „кошачьей пляской“ заболели люди. Они, правда, не бросались в воду — не могли: их скручивали сильные судороги.

Люди скрывали свою болезнь. О ней знали лишь домашние да местная знахарка, безуспешно старавшаяся изгнать из больных хворь. А если поселок узнавал о болезни, он отгораживался от домов, куда приходила беда, стеной отчуждения и страха: „кошачья пляска“ считалась заразной.

Сохати Хамамото пользовался в поселке громкой известностью. Его лодка приходила с самым большим уловом. Никто не осмеливался тягаться с ним силой. Жизнерадостней Сохати Хамамото не было в Минамата человека. „К черту деньги! Самую большую и самую хорошую рыбу должен есть тот, кто ее поймал!“, — весело повторял Сохати, и это слышал весь поселок, потому что и зычным голосом природа не обделила рыбака.

— Отец, проснитесь! Пора вставать! — Цугинори, уже одетый в брезентовую куртку и клеенчатые штаны, в каких рыбаки выходят в море, осторожно тряс Сохати за плечо. — Отец, лодка готова.

Накануне Сохати засиделся с приятелями дольше обычного и, видно, поэтому никак не мог проснуться. Наконец он оторвал от подушки голову и непонимающе посмотрел на Цугинори.

— Отец, пора! — твердил сын. Но Сохати будто не узнавал его. Или не слышал. Сохати попытался встать, но ноги подкосились,

и он тяжело рухнул на соломенную циновку — татами. Когда он, опираясь на циновку, встал, Цугинори подал ему дзори—тапочки с перепонками для пальцев ног. Но Сохати не мог самостоятельно обуться: ноги его дрожали.

— Может, сегодня останетесь дома? — предложил Цугинори.

— Черт побери, что вы будете есть, если отец не выйдет в море! — Сохати отбросил дзори, оперся о плечо Цугинори и заковылял к двери.

С помощью сына Сохати влез в лодку, и она отчалила. Кто-то из соседей, озорничая, пронесся на полном ходу рядом с лодкой Сохати, и ее подбросила волна. Сохати не удержался и упал за борт.

— Я же говорил, что вам надо остаться дома, а вы все хорохоритесь, — недовольно проворчал Цугинори, вытаскивая отца из воды.

— Дурак! — зло бросил Сохати, но жестом все же приказал повернуть к берегу.

На следующий день Сохати не поднялся с татами. В поликлинике его осмотрели, выписали лекарство, но от диагноза воздержались. „Кошачья пляска” — эти внушавшие ужас слова первым произнес сам Сохати. Цугинори отвез его в префектуральный город Кумамото, в больницу при местном университете.

Со столь тяжелым случаем „кошачьей пляски” в больнице еще не сталкивались. Санитарам пришлось привязать руки и ноги Сохати к кровати, потому что в судорогах он до крови обдирал о стены ногти, нещадно царапал себя. Сохати исходил слюной, кричал от боли, пока не срывал до хрипа голос. Он не спал. Пища не проходила в горло, а когда его принимались кормить через трубку, Сохати тут же рвало. Так продолжалось несколько недель.

— Прошу вас, дайте ему умереть. Пусть он не мучается, — сказала однажды доктору жена Сохати. В тот день судороги длились больше часа, и Сохати кричал так, что его слышали на улице. — Господин доктор, вы же должны облегчать людям страдания. Прошу вас, освободите от них мужа. — Жена Сохати с рыданиями опустилась на колени. — Господин доктор, будьте милосердным, убейте его!

Еще через неделю симптомы „кошачьей болезни” появились у жены Сохати, потом — у сына, у Цугинори. Болезнь пощадила лишь дочь Сохати — Фумиё.

Первым умер Сохати Хамамото. Девять лет промучилась его жена. Девять бесконечных лет просидела у постели больной матери Фумиё. А когда матери не стало, Фумиё принялась ухаживать за братом. Иногда Фумиё думала: чем она отличается от больных? Да, она может двигаться, может говорить и слышать. Но разве жизнь ее отличается от существования больных?

В начале 1956 года „кошачья пляска” приняла характер эпидемии. В апреле в больницу при заводе корпорации „Тиссо”, расположенном в Минамата и выпускавшем ацетальдегид, поступила пятилетняя девочка. Она не могла ходить. Речь ее была бессвязной.

Цугинори Хамамото

Она впадала в бред. Время от времени у нее начинались судороги. День спустя в больницу доставили сестру девочки с теми же симптомами. „Самые живые, самые непоседливые, самые смышленные дети, каких мы только знали”, — сказали о девочках соседи. От матери девочек врачи узнали, что на их улице болен еще один ребенок — мальчик пяти лет. Приехав в поселок, чтобы осмотреть больного, врачи обнаружили признаки „кошачьей пляски” не только у мальчика, но и у его матери и двух старших ее сыновей.

1 мая 1956 года главный врач заводской больницы Хадзимэ Хо-сокава доложил департаменту здравоохранения префектуры Кумамото: „Вспыхнувшая в Минамата неизвестная болезнь имеет признаки эпидемии. В результате болезни оказывается пораженной центральная нервная система”. В Минамата направились врачи из университета Кумамото. „Японский энцефалит”, — вывели некоторые из них. „Церебральный паралич”, — возразили им другие. „Наследственная атаксия”, — настаивали третьи.

Вскоре университетские врачи сделали открытие, которое заставило отказаться и от поставленных диагнозов и от утверждения, что болезнь — эпидемическая, хотя к 1957 году в больницах Минамата и Кумамото находились уже 52 человека с одинаковыми симптомами. 20 из них умерли.

Врачи из Кумамото определили, что мозг больных поражен частицами какого-то тяжелого элемента, видимо, металла. И тогда взоры исследователей обратились к заливу Минамата, к той его части, куда от завода корпорации „Тиссо” тянулся канал — по нему в залив стекала вода с отходами производства. Анализ показал: в море у устья канала имеются частицы селена, таллия, марганца, меди, свинца, ртути.

„Тиссо” с возмущением отвергла заключение медиков о том, что источник этих загрязнителей — завод в Минамата. Хозяева корпорации, однако, забыли: если удержаться от первой лжи, то не потребуется последующая. Последующей же ложью было заявление „Тиссо” о неприменении в производственном процессе каких-либо веществ, способных отравлять воду. На этой лжи корпорация и попалась. По настоянию врачей завод отвел от залива канал для сброса отходов. С сентября 1958 года отходы полились в реку, что пересекает поселок Минамата. Через три месяца „болезнь минамата” уложила в больницы людей, живших по берегам реки. В реке врачи обнаружили частицы уже знакомых им элементов: селена, таллия, марганца, меди, свинца, ртути.

Одно преступление открывает путь другим. Когда университетские врачи из Кумамото обнародовали итоги исследований, из которых явствовало, что причина „болезни минамата” — отравление моря отходами производства, осуществлявшегося на заводе „Тиссо”, корпорация встала на путь шантажа, подлогов и подкупов. Раз не удалось скрыть правду, надо не дать ей широко распространиться — этой цели задумала достичь „Тиссо” посредством новых преступлений.

Устье отводного канала завода в Минамата

Доклад врачей встревожил общественность. В Минамата, в Кумамото и даже в Токио возникло множество комитетов и других общественных организаций. Образовала комитет по изучению причин „болезни минамата” и Японская ассоциация химической промышленности. Комитет провел четыре заседания и внезапно исчез, да так бесследно, что до сих пор не разысканы протоколы его заседаний. Уместно отметить, что корпорация „Тиссо” — член Японской ассоциации химической промышленности. Другой комитет начал свою деятельность с опубликования свидетельств жителей Минамата о постигшей их трагедии. Уже вечером того дня, когда газеты поместили свидетельства, двери комитета нашли наглухо заколоченными.

Впоследствии ревизоры налогового управления, проверявшие бухгалтерские книги корпорации, отметили стремительный рост летом и осенью 1959 года рекламных расходов „Тиссо”. По этой статье проводились суммы, пошедшие на подкуп членов комитетов, на оплату исследований и статей, в которых делалась попытка опорочить выводы медиков университета Кумамото.

100 000 жертв

Токийский университет, где Дзюн Ногуты закончил на рубеже XX века курс наук электротехнического факультета, дал выпускнику не только знания в новой для тогдашней Японии области промышленного производства. В „питомнике политиков и министров”, как до сих пор именуют этот университет, Ногуты постиг принцип: „силен тот, кто богат”, получил первые навыки отыскивать кратчайшие пути к богатству и научился презирать трудовой люд, который он именовал с тех пор не иначе как „рабочий скот”.

Япония взяла в те годы старт на дистанции, которая должна была, как казалось, привести к экономическому и военному господству в Азии. Начальный отрезок этой дистанции страна преодолевала со спринтерской скоростью. Дзюн Ногуты видел это и считал, что на своем пути к богатству он должен точно так же финишировать в рекордное время. В энергетике, где Ногуты ступил на поприще бизнеса, новичку развернуться было, однако, непросто. Старые японские торговые дома, превращавшиеся в промышленные концерны, не уступили бы ему ни пяди золотоносного участка. Поэтому Ногуты обратился к химическому производству, которое только начинало зарождаться в Японии.

В 1906 году Ногуты вложил деньги в строительство гидроэлектростанции, которую сам и спроектировал в южной части одного из четырех главных японских островов — Кюсю. На базе энергии этой гидроэлектростанции Ногуты задумал создать карбидный завод. Определяя место для завода, он руководствовался в первую

очередь не близостью расположения источников сырья и не географией путей вывоза готовой продукции. Его целью было отыскать по соседству с гидроэлектростанцией самые бедные, самые отсталые селения, потому что еще на университетской скамье усвоил: наиболее быстрый и верный путь к богатству — максимальное использование рабочей силы с минимальной ее оплатой. А чем беднее и темнее человек, чем более он забит, тем дешевле продает свои руки. Выбор Ногуты пал на поселки Комэноцу и Минамата в префектуре Кумамото. Но какому из поселков отдать предпочтение? Ногута поступил в соответствии с убеждением, что в бизнесе хороши все средства, кроме чисто плотных.

Он постарался, чтобы весть о намерении построить завод достигла каждого и в Комэноцу, и в Минамата. Жители Комэноцу и Минамата отлично понимали, что завод — это работа для тех, кто ее не имеет, это увеличение рыбацких доходов, это приобщение к городской культуре, и вступили в схватку друг с другом, на что и рассчитывал Ногута.

Когда жители Комэноцу назвали цену, по какой соглашались продать землю для строительства завода, жители Минамата предложили Ногуте в половину меньше. Сбавил цену поселок Комэноцу, еще больше уступили в Минамата. От гидроэлектростанции до Минамата на восемь километров дальше, чем до Комэноцу. Жители Минамата пообещали приобрести за собственные деньги столбы и провода для линии электропередачи, лишь бы Ногута согласился расположить завод в их поселке. И Ногута согласился.

Ликованию в Минамата не было предела. Теперь мужчинам не надо отпрашиваться на чужбину за заработком. Теперь женщинам не придется идти в публичные дома, чтобы прокормить семью. В 1908 году, когда завод вступил в строй, его директор торжественно записал в „Книге истории поселка”: „Со строительством завода атмосфера в Минамата стала более свежей. Увеличилось население. Расширилась торговля. Оживилось транспортное сообщение с другими частями страны. Началась новая жизнь Минамата”.

Вряд ли кто в поселке думал, что пройдет 50 лет и эта запись будет восприниматься злой издевкой.

В 1908 году завод в Минамата изготовил 15 тонн карбида — производительность по тем временам огромная. В следующем году на заводе освоили выпуск сульфата аммония. Ногута внимательно следил за всеми технологическими новинками в мире и настойчиво внедрял их у себя. Новшество, которое используется в расчете на сиюминутную выгоду, без учета отдаленных последствий, всегда чревато огромными потерями в будущем — эта истина уже тогда заявляла о себе. В 1921 году Ногута купил за границей патент на синтез аммония, и в 1923 году завод в Минамата, ставший к тому времени одним из многих предприятий, входивших в химическую империю „Тиссо”, сделался японской лабораторией нового метода. Спустя два года в заливе Минамата впервые всплыла мертвая рыба.

Ногути не требовалось брать пробы воды в канале с отходами производства, чтобы сообразить, почему в заливе погибла рыба. Он досконально знал процесс синтеза аммония. Поэтому Ногути приказал немедленно расплатиться с рыбаками за причиненный ущерб, но не слишком щедро. „А то тяга к роскоши станет у рыбаков неодолимой”, — сострил Ногути. Сейчас его шутка выглядит людоедской.

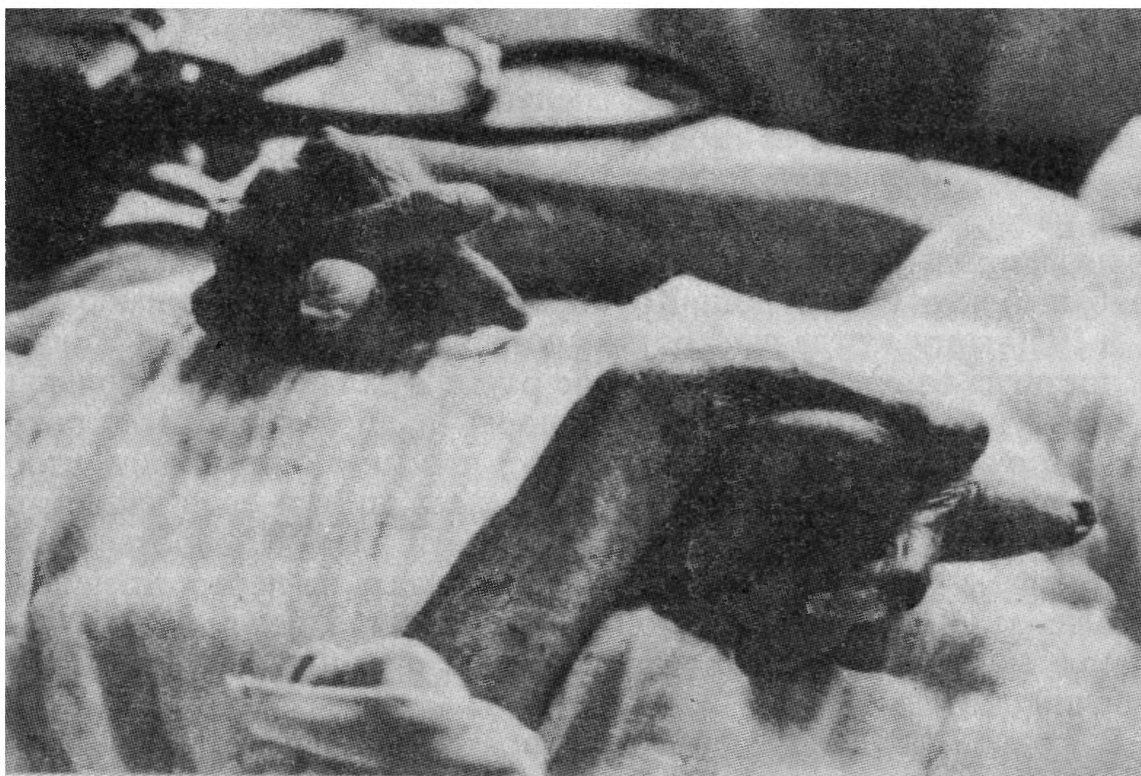
Мертвая рыба всплывала затем неоднократно, и каждый раз „Тиссо” выплачивала рыбакам компенсацию, сопровождая выдачу денег неизменным напоминанием: „Корпорация и лично господин Ногути не имеют отношения к рыболовству, но, испытывая отеческие чувства ко всем жителям поселка, готовы прийти им на помощь”. Получая горсть монет, которая легко умещалась на ладони, рыбаки кланялись в пояс и растроганно благодарили сердобольного Ногути.

А Ногути попросту производил сравнительные расчеты, сопоставляя стоимость оборудования для очистки производственных отходов и сумму компенсаций рыбакам, и неизменно приходил к выводу, что выплачивать компенсации выгоднее. О том, каковы размеры выгоды, можно судить по статистике, относящейся к годам „великого кризиса”. Даже в период мирового экономического потрясения завод в Минамата приносил прибыль на 30 процентов бóльшую, чем в среднем по химической отрасли. И это в условиях, когда ежегодно приходилось делать компенсационные выплаты!

В 1932 году „Тиссо” приступила к выпуску ацетальдегида — сырья для изготовления пластмасс, красителей, лекарств, фотохимикатов. Процесс производства ацетальдегида предусматривал употребление ртутного компонента в качестве катализатора. Вот тогда-то Ногути с особым вниманием взглянул на канал, отводящий с завода отходы. Он обладал достаточными техническими познаниями, чтобы представить последствия загрязнения залива ртутью. И Ногути распорядился: „Руководящие должности в „Тиссо” и прежде всего на заводе в Минамата отныне будут предоставляться только выпускникам Токийского университета. Ни один житель Минамата и даже префектуры Кумамото не может занимать на заводе должность выше чем простого рабочего”.

С иезуитской хитростью решил Ногути использовать клановую преданность друг другу выпускников Токийского университета, чтобы превратить их в безмолвных своих сообщников в готовящемся преступлении. Отказав жителям Минамата в праве занимать на заводе сколько-нибудь крупные посты, позволяющие вникнуть в суть производственного процесса, Ногути надеялся скрыть факт применения ртути и сброс ее вместе с отходами в залив.

В возрасте 71 года Дзюн Ногути отошел в иной мир, стяжав известность предприимчивого и удачливого бизнесмена, „отца” японской химической промышленности. Тогда, в 1944 году, никто не ведал, что за Ногути тянется длинный хвост преступлений, что в памяти людей имя Ногути останется связанным с „болезнью

Руки жертвы „болезни минамата”

минамата” — первым в истории случаем отравления людей в результате загрязнения природы.

71 убитый, 1523 человека, официально признанных больными. 1541 человек с симптомами „болезни минамата”, проходящий врачебное освидетельствование. 4400 человек с теми же симптомами, ждущие обследования медицинскими комиссиями. Таковы по состоянию на май 1979 года результаты преступной деятельности Ногуты и его преемников, отравлявших залив Минамата ртутью с 1932 по 1968 год.

По мнению специалистов, „болезнью минамата” поражены в той или иной степени 100 тысяч жителей префектур Кумамото и Кагосима. В их медицинских карточках в графе „диагноз” поставлено: „адинамия”, „тремор”, „атаксия”, „церебральный паралич”, но в действительности это „болезнь минамата”, окрещенная иначе по неведению или злему умыслу. В самом поселке у 28 процентов жителей нарушены функции органов чувств, у 25 процентов — отсутствует координация движений, у 29 процентов — дефекты слуховых органов, у 13 процентов — пороки органов зрения. С 1955 по 1958 год 6 процентов детей родились в Минамата с церебральным параличом. В целом по стране лишь 0,2 процента детей появляются на свет с подобным заболеванием. Семь лет спустя после прекращения на заводе производства ацетальдегида в поселке были обнаружены 40 новорожденных с полным набором признаков „болезни минамата” — от потери речи до судорог.

Доктор права, старейший член Верховного суда Соединенных Штатов Уильям О. Дуглас с удивительной для представителя амери-

канского истэблишмента откровенностью сказал: „Если погоня за прибылью останется единственной движущей силой нашего общества, битва за окружающую среду будет проиграна, так как любые меры по защите ее стоят денег”. Однако иной движущей силы, кроме погони за прибылью, у капиталистического общества нет и быть не может. Предприниматели и пальцем не пошевелият для спасения природы и человека как части ее, если это повлечет снижение прибылей хотя бы на грош. Корпорация „Тиссо” тому пример.

В 1950 году, когда выработка ацетальдегида на заводе в Минамата достигла высшей точки и сброс ртути в залив стал наибольшим за все существование завода, корпорации достаточно было потратить на очистные сооружения лишь 3 процента от выручки, чтобы трагедия поселка Минамата не разрослась до размеров национального бедствия. Однако ожидать от хозяев „Тиссо” заботы об общественном благе все равно что рассчитывать на перерождение капитализма. В „Тиссо” неуклонно и твердо следовали завету основателя корпорации Дзюн Ногути: „Жители Минамата не люди, а рабочий скот”.

В конце 1959 года сообщение врачей университета Кумамото о причине „болезни минамата” подняло в стране бурю негодования. Заводские охранники уже не могли чинить препятствия нахлынувшим в поселок различным комиссиям брать из залива пробы воды и образцы рыбы. Япония содрогнулась, узнав, что содержание ртути в выловленных в заливе Минамата крабах составляет 35,7 *ppm*, то есть 35,7 частицы на миллион, в рыбе венерке — 20 *ppm*, в кефали — 10,6 *ppm*, в креветках — 5,6 *ppm*. Японское законодательство об охране природной среды допускает содержание ртути в рыбе не свыше 0,4 *ppm*. А когда произвели замер в устье сточного канала, соединяющего завод с заливом, то оказалось: концентрация ртути равна 2010 *ppm*!

После такого шока власти наконец-то пришли в движение. Нет, они не остановили завод. И не потребовали ответа у его дирекции. Экономический департамент префектуры Кумамото лишь запретил продажу рыбы, добытой в заливе Минамата. Что касается лова, то департамент оставил это на усмотрение самих рыбаков.

Рыбаки и вместе с ними жители Минамата заволновались. Они решили добиваться от „Тиссо” ежегодно выплачиваемой компенсации, причем требуемая сумма была больше, чем прежде, поскольку запрет на продажу рыбы ощутимо сказался на уровне жизни рыбаков. Рыбаки настаивали также на очистке залива. Корпорация ответила категорическим отказом. Сумма компенсации неоправданно велика, а залив пусть чистит правительство, заявила „Тиссо”. В годы второй мировой войны американские бомбардировщики потопили в заливе транспорт с боеприпасами — их выпускал в то время завод, и загрязнение залива произошло вследствие рассеивания в воде взрывчатых веществ, доказывала корпорация.

И тогда случилось то, чего не ожидали ни корпорация, ни власти: жители поселка, считавшиеся в химической империи „Тиссо” са-

мыми преданными и смиренными подданными, взбунтовались и осадили завод. Полиция, вызванная дирекцией, разогнала мятежников.

Применив кнут, корпорация не забыла и о прянике. Пряник казался тем более необходимым, что в поселке возник „Комитет взаимопомощи больных“, который к требованиям рыбаков добавил свои: выплатить компенсацию жертвам „болезни минамата“ и обеспечить им возможность лечиться. Отказываться от переговоров корпорация не стала: пряник следовало преподнести как монаршую милость, оказанную всепрощающей „Тиссо“ заблудшим подданным.

„Верный способ представить правомерными выгодные нам действия — поручить осуществить их властям“, — поучал Дзюн Ногути. Нынешние руководители корпорации так и поступили. Чтобы изобразить в глазах жителей Минамата законным свое бесчестное предложение, „Тиссо“ призвала в посредники губернатора префектуры Кумамото, председателя префектурального совета и мэра поселка. Предложение, исходившее якобы от посредников, а не от корпорации, заключалось в следующем.

„Тиссо“ выплатит рыбакам 35 миллионов иен в виде компенсации, но вычтет из этой суммы 10 миллионов иен на ремонт заводской ограды, поврежденной в столкновении жителей поселка с полицией. Право, за эту сумму завод можно было бы обнести новой оградой дважды. Семьям, в которых есть погибшие от „болезни минамата“, корпорация „Тиссо“ в знак соболезнования, но не в знак признания своей ответственности, сделает денежные подарки — по 320 тысяч иен на семью, а тем, кто болен, выдаст: взрослому — 120 тысяч иен, ребенку — 30 тысяч иен. Иными словами, корпорация оценила жизнь убитого ею человека суммой, равной трехмесячной заработной плате инженера на заводе в Минамата. Воистину за погубленный скот платят дороже.

Жители поселка поначалу отвергли предложение. Но „посредники“ принялись убеждать: вина „Тиссо“ за загрязнение залива и за смерть и болезнь людей не доказана. Берите деньги, пока корпорация добрая, а то и этого не получите. И самый сильный довод: вообразите, что станет с поселком, если корпорация закроет завод? Жители Минамата согласились. 30 декабря 1959 года они подписали с „Тиссо“ соглашение, в котором значился, в частности, такой пункт: „Больные, получившие денежные подарки, не предъявят в будущем к корпорации никаких претензий, даже если неопровержимо будет установлено, что причина болезни — заражение промышленными отходами, сброшенными заводом“. Выкрутив руки жителям Минамата, „Тиссо“ вдобавок связала их, а себя постаралась обезопасить от грядущих неприятностей. Возможность таких неприятностей корпорация не сбрасывала со счетов.

Американские журналисты обратились к председателю совета директоров корпорации „Тиссо“ за интервью. В роскошный ресторан, где журналистам была назначена встреча, вместе с предсете-

лем пришел заведующий международным отделом. После того как заморские гости отведали многочисленные блюда японской кухни и опустошили дюжину пузатых керамических бутылочек с подогретым сакэ, заведующий международным отделом принялся втолковывать:

— Что такое „ppm”, которыми измеряют загрязнение среды? Сейчас объясню. Это число частей на миллион, то есть ничтожнейшее содержание чего-либо в колоссальном количестве воды или воздуха. Вот смотрите. — Заведующий наклонил керамическую бутылочку и капнул сакэ в бокалы с пивом. — Попробуйте, пожалуйста. — Заведующий подал бокалы журналистам. — Вы что-нибудь почувствовали? Уверен, что нет. Так и загрязнение залива Минамата, которое нам приписывают. — Голос его наполнился негодованием. — Может быть, грязь и попала в воду из канала для отходов, но в такой мизерной доле, что и говорить-то об этом смешно! — Заведующий сказал „грязь”, тщательно избегая слова „ртуть”.

Журналисты вспомнили доклад врачей университета Кумамото, где были использованы результаты вскрытия умерших от „болезни минамата”. В печени 35-летнего мужчины, скончавшегося на 19-й день после поступления в больницу, содержание ртути было равно 70,5 ppm, в почках — 144 ppm, в мозге — 21,3 ppm. Разрушение печени, почек и мозга начинается, если содержание в них ртути достигает 2,0, 3,0 и 0,5 ppm соответственно. Но журналисты промолчали — обильный и экзотический обед не настраивал на спор.

— И тем не менее мы решили отвести от себя даже тень подозрения в загрязнении среды, — вступил в разговор председатель совета директоров корпорации „Тиссо”. — Мы установили на заводе в Минамата фильтровальную установку. — Председатель говорил так, будто он облагодетельствовал человечество и хочет, чтобы человечество причислило его к сонму святых. — Наша установка — самая совершенная в Японии. Подобной ей нет ни на одном предприятии в стране!

„Тиссо” обставила пуск фильтровальной установки со всей пышностью, какую позволяли многомиллионная статья представительских расходов в бюджете завода и традиции синтоистской церкви, в соответствии с которыми было освящено сооружение. После того как священник разбросал вокруг установки соль и опахалом изгнал из нее чертей, президент „Тиссо” на глазах у жителей Минамата, рабочих завода и, главное, представителей прессы зачерпнул стаканом воду из заключительного отстойника и, со значением поглядывая на участников торжества, медленно ее выпил.

— С сего дня, 17 декабря 1959 года, — возгласил президент, — ни одна крупица грязи не попадет в залив! — Президент напыжился еще более и продолжал: — Хотя корпорация „Тиссо” и не причастна к печальному инциденту, случившемуся в Минамата, но, движимая заботой о здоровье народа и о своем честном имени, она установила фильтровальную установку — высшее достижение современной науки и техники. — Президент поднял голос. — Печальный инцидент

закончился, забудем о нем! И рука об руку двинемся вперед, к светлому будущему!

Будущему, однако, не было суждено стать светлым. Некоторое время спустя после помпезного пуска установки кто-то из газетных репортеров, помня об эффектном жесте президента „Тиссо”, хотел попить из отстойника. Служащий завода, сопровождавший репортера, не позволил сделать этого.

— Президент пил отсюда, когда установка еще не работала и в отстойнике находилась совершенно чистая вода, — сказал служащий.

Завод применял в производственном процессе ртуть вплоть до 1968 года.

Промышленный геноцид

„ВНП — превыше всего!” С таким лозунгом вступила Япония во вторую половину XX века. О валовом национальном продукте говорилось в правительственных программах и в книжках-комиксах, рассчитанных на школьников. Тема увеличения ВНП стала главной в парламентских дебатах и в болтовне гейш с клиентами в ресторанах. В 1961–1970 годах среднегодовые темпы прироста валового национального продукта составили в Японии рекордную цифру — 11 процентов.

Самые большие танкеры, самые миниатюрные компьютеры, самые (среди стран с высокой сейсмичностью) высокие здания, самые быстрые поезда. . . Венок чемпиона капитализма, навешенный на себя Японией, сплошь состоял из „самых поразительных в мире” показателей. Когда же пришла пора подвести итог неуправляемой и безумной экономической и технологической вакханалии, то „японцам пришлось констатировать, — как написала буржуазная газета „Иомиури”, — что они многое приобрели, но не меньше потеряли. Одна из этих потерь — природа страны”. Газета „Асахи” добавила: „Япония выиграла экономическую битву и достигла положения великой державы с точки зрения валового национального продукта. Однако лозунг, которому она так свято следовала, означал на деле валовое национальное загрязнение”.

Фудзи поднимается над морем,
Как ступеньки в небеса,
Где в сини, безоблачной и ясной,
Жрецы живут,
Земли стремясь не видеть загрязненной.

Художник Сэссю снабдил этими стихами картину, на которой нарисовал гору Фудзи, японскую святыню, и подле нее — „источник загрязнения окружающей среды”: деревушку с домиками под тростниковой крышей и несколько рыбацких лодок на берегу залива. Сегодня, спустя 500 лет, художнику пришлось бы искать изобразительные средства, чтобы показать иные источники, загрязняющие

предгория Фудзи, — зловонно дымящие заводы, стада автомашин, окутанные выхлопными газами, железные дороги, пожирающие тишину, и потоки промышленных отходов, впадающие в залив, где очень немногие рискуют теперь плавать на лодке.

Журнал „Нью-Йорк таймс мэгэзин” привел интервью с жителем города Фудзиномия, расположенного в 25 километрах от горы Фудзи. Тосихико Коды страдает астмой. Болезнью его наградила химический завод, от которого дом Коды отделен лишь забором из железной сетки и живой изгородью кустарника.

— Посмотрите на эту десятииеную монетку. — Коды показал корреспонденту журнала бронзовый кружочек, покрытый слоем ржавой копоти. — Монетка пролежала на улице только месяц, — пояснил Коды. — Если отработанные газы заводов и фабрик легко разрушают железо и бронзу, — продолжал он, — то каково приходится человеческим легким?

Коды нутужно закашлялся. Потом сказал:

— В заливе Тагоноура, в трех километрах отсюда, с 1967 года никто не отваживается купаться — вода в заливе коричнево-красная от химических отходов. Рыбаки вынуждены уходить на промысел за 50—60 километров от берега и даже там им попадаются рыбы-уроды странной, ранее неизвестной формы.

Залив Тагоноура — тот самый, что написал Сэсю на своей картине.

Я был в Фудзиномия. И видел все, о чем рассказал Тосихико Коды. И меня там мучили кашель и резь в глазах, от которой не удержи́мо катились слезы. А поехал я в Фудзиномия, чтобы посмотреть на чудо-речку Уруи, впадающую в Тагоноура. Фотографы газеты „Майнити” набрали в речке воды и проявили в ней фото-пленку. Газета опубликовала фотографии, напечатанные с этой пленки, и сопровождала их подписью: „Чудо” на реке Уруи произошло благодаря усилиям бумажных фабрик, которые превратили воду в реке в проявитель”. Я погрузил руку в реку. Рука потом долго пахла проявителем.

Внутреннее японское море, частью которого является залив Тагоноура, издавна считалось природной жемчужиной страны. Путешественники, побывавшие в конце прошлого и начале нынешнего века на берегах моря, относили его к одному из чудес света, и их трудно обвинить в преувеличении. Теперь Внутреннее японское море именуют „Мертвым морем”. И на то есть все основания.

Ежедневно в море сбрасываются 1600 тонн загрязненных промышленных вод, включающих ртутные, кадмиевые, мышьяковые соединения. Содержание полихлордифенила, широко применяющегося в производстве электротрансформаторов и копировальной бумаги, достигло на дне, например, Осацкого залива 86,9 ppm. Отравление живых существ начинается при концентрации полихлордифенила, равной 13 ppm. В результате сброса промышленной воды на дне Внутреннего японского моря у побережья острова Сикоку свинца сейчас в 543 раза больше, чем допускает существующий

в Японии стандарт на содержание этого элемента в воде и почве. В прибрежном городе Курасики вследствие преступной небрежности из хранилища, принадлежащего концерну „Мицубиси”, вытекло во Внутреннее японское море 20 тысяч тонн нефти. Чуть позже из хранилища другого концерна в море попало 42 тысячи тонн нефти. В 1975 году море загрязнялось нефтью 416 раз, в 1976 году — 394, в 1977 году — 356 раз.

Губернаторы одиннадцати префектур и мэры трех городов под давлением общественности, которую глубоко беспокоит загрязнение Внутреннего японского моря и исчезновение в нем планктона и рыбы, обратились в 1977 году к правительству с петицией. В ней высказывалась просьба немедленно взять море под защиту. Управление по охране окружающей среды ответило от имени правительства, что контроль над водой во Внутреннем японском море планируется осуществлять только с конца 1979 года.

Действительно, в декабре 1979 года управление обнародовало перечень мер, которые должны, по мнению этого органа, спасти Внутреннее японское море. Меры оказались столь же „вегетарианскими”, как и наказание за несоблюдение их, — 300 тысяч иен штрафа. Член правления одной из химических фирм, чьи заводы быстро и верно убивают море, по поводу мер управления высказался цинично, но точно: „Мы готовы уплачивать штрафы ежемесячно, поскольку это гораздо дешевле, чем строить очистные сооружения или менять технологию нашего производства”. Делая непристойное заявление, член правления не сомневался: 300 тысяч иен фирме уплачивать не придется.

Почти одновременно с опубликованием перечня правительственных мер по охране от загрязнения Внутреннего японского моря в городе Ёккайти, расположенном на его берегу, завершился суд над химической фирмой „Исихара сангё” и двумя ее руководителями. На протяжении трех лет завод фирмы сбросил в море 3380 тонн отходов изготовления серной кислоты. Девять долгих лет длилось судебное разбирательство, а когда закончилось, то снисходительному вердикту поразились, наверное, даже сами обвиняемые: их приговорили к уплате 50 тысяч иен штрафа. Если милостивость судей они „обмывали” в ресторане токийского увеселительного района Акасака, ужин обошелся им значительно дороже.

Управление, не склонное сообщать японцам правду о масштабах уничтожения в стране природы, тем не менее признало в „Белой книге” за 1978 год, что степень загрязнения промышленными отходами 20,2 процента японских рек, 34,4 процента озер и 15,6 процента прибрежных участков моря далеко превосходит официально допустимый уровень. Как далеко превосходит, можно судить по акту патологоанатомического вскрытия утопленника, выловленного в токийской реке Сумида. Оказалось, что человек не захлебнулся, а насмерть отравился ядовитыми испарениями, когда еще держался на поверхности воды.

К несчастью для токийцев, через столицу протекает несколько рек, куда предприниматели сбрасывают гибельные для всего живого промышленные отходы. 25 сентября 1979 года могло войти в историю Японии как дата бедствия, которое по числу жертв превзошло бы знаменитое землетрясение 1923 года. Завод фирмы „Фудзии плейтинг“ спустил в реку Тонэ сразу тонну цианистого раствора. Два миллиона жителей Токио, кто получает из реки Тонэ питьевую воду, спас от смерти случай: в день катастрофы и в течение трех следующих дней лил дождь, которого Япония не знала, наверное, сотню последних лет. Дождь и избавил токийцев от массовой трагедии: воды в реке Тонэ стало больше, и, следовательно, содержание в ней смертоносных частиц оказалось не столь высоким.

„Небо над Токио снова стало голубым!“ — возвестили в 1969 году столичные газеты, когда месячное выпадение сажи на каждый квадратный километр токийской площади упало с 34 до 17 тонн. Заводы в Токио перешли с угля на нефть. Но недолго радовались токийцы. На них обрушилась другая беда. 18 июля 1970 года город окутала густая молочная дымка. На школьном дворе в районе Сугинами шел урок физкультуры. Вдруг одной из школьниц стало плохо. Затем второй, третьей. . . Они жаловались на головную боль, тошноту. Горели глаза. Подкашивались ноги. Учитель вызвал машины скорой медицинской помощи. В тот день шесть тысяч токийцев обратились к врачам с похожими симптомами. „Фотохимический смог“ — определили врачи причину заболевания.

„Фотохимический смог“ — продукт соединения закисей азота, углеводорода и двуокиси серы. Он образуется при воздействии на это соединение ультрафиолетовых лучей солнца. Предприниматели сменили на токийских заводах и фабриках вид топлива, поскольку импортная нефть стоила тогда дешево, и сгорание огромного количества нефти повлекло увеличение содержания в воздухе двуокиси серы — главного компонента „фотохимического смога“. Что касается очистных сооружений, то их как не было в эпоху использования угля, так не стало и в период применения нефти. „Фотохимический смог“ поставил Токио на самую верхнюю точку на позорной капиталистической „шкале грязи“.

Смог вернулся в Токио 23 и 27 июля и 5 августа. Через 25 лет после того, как сигнал тревоги в последний раз загнал токийцев в бомбоубежища и укрытия, он снова раздался над столицей. Прервав теле- и радиопередачи, дикторы смятенно читали: „Внимание! Говорит токийский центр по контролю над загрязнением воздуха! В воздухе повысилось содержание вредных веществ. Внимание! Срочно прекратить школьные занятия на открытом воздухе. Детей вернуть в классы. Как можно меньше находитесь на улице. Пользуйтесь автотранспортом только при крайней необходимости. Внимание! В больницах и поликлиниках открыты пункты экстренной медицинской помощи“.

Директор токийского Научно-исследовательского института по проблемам природной среды заявил: „Если дело пойдет так и

дальше, населению придется носить противогазы”. В иные дни директор института вкалывал в карту Токио, что висит в его кабинете, по 300 и более булавок. Каждая булавка означала сто телефонных звонков от людей, сообщавших о появлении „фотохимического смога”. В юго-западной части столицы булавочных головок больше всего. Этот район примыкает к промышленной зоне Кавасаки—Иокогама. „Помимо заболеваний органов дыхания, „фотохимический смог” вызывает постепенные изменения во всем организме человека, особенно детском организме, — пришел к выводу директор. — В юго-западных районах Токио, где „фотохимические тревоги” продолжаются по нескольку дней без отбоя, школьники менее подвижны, чем дети в других местах, отстают в росте и умственном развитии”.

В 1973 году „фотохимические тревоги” объявлялись в Токио и еще ряде крупных японских городов 328 раз. Сейчас такие тревоги случаются реже — примерно раз в два дня, но число жертв „фотохимического смога” по-прежнему велико. За семь лет — с 1972 по 1978 год — „фотохимический смог” заставил 169 тысяч японцев воспользоваться услугами пунктов экстренной медицинской помощи, об открытии которых объявляли дикторы телевидения и радио. 395 токийцам медицинские пункты помочь не сумели — „фотохимический смог” убил этих людей.

В префектуре Тояма, обращенной к Японскому морю, разыгралась трагедия с иными, чем в Минамата, действующими лицами, но с тем же сюжетом. К местному доктору вдруг повалили пациенты с жалобами на мучительные боли в суставах. У больных делались хрупкими кости. Они ломались от резкого движения. Доктор снял рентгеноскопию с ног одного из пациентов. На снимке были отчетливо видны 72 перелома. Доктору досталась сомнительная слава окрестить болезнь. Он назвал ее достаточно выразительно: „итай-итай”, что в переводе означает: „больно-больно”.

Когда доктор установил наконец, что недуг вызван отравлением кадмием, число его пациентов достигло 280. Кадмий обнаружили в воде, которую химический завод концерна „Мицуи” спускал в реку Дзинцу. Речной водой крестьяне орошали рисовые поля.

Доказательства преступления были представлены властям в 1960 году. Лишь восемь лет спустя министерство здравоохранения признало доказательства убедительными. А концерн „Мицуи” вплоть до 1976 года отрицал свою вину и продолжал сбрасывать в реку отраву. Отнюдь не 119 могил на местном кладбище побудили концерн прекратить убивать людей. В 1976 году японские и иностранные ученые вынесли суждение, оспорить которое концерн не смог: „итай-итай” — отравление кадмием.

Симптомы болезни „итай-итай” появились у жителей острова Цусима. Руководству цинковых рудников, расположенных на острове, пришлось согласиться на государственную инспекцию воды и почвы. Контролеры в течение нескольких месяцев брали пробы, но все они неизменно показывали, что содержание частиц цинка в

воде и в почве — в пределах нормы, хотя очистных сооружений на рудниках по-прежнему не было. Потом выяснилось: хозяева рудников специально готовили места для взятия проб с таким расчетом, чтобы степень загрязнения не превышала установленного стандарта. Ничего не подозревавшие жители острова продолжали пользоваться отравленной водой, возделывать отравленные поля.

В конце 30-х годов корпорация „Нихон когаку когё” превратила пустырь на берегу реки Аракава в свалку для шлака — отхода производства завода хромовых препаратов. За три десятка лет шлака накопилось на пустыре почти 600 тысяч тонн. Когда границы разросшегося Токио приблизились к пустырю, корпорация провернула исключительно прибыльную сделку: продала под строительство жилья пустырь, приобретенный когда-то за бесценок. Продала, скрыв, что в земле таится яд. На бывшем пустыре раскинулись два городских района — Кото и Эдогава.

Группа активистов Компартии Японии собрала в Кото и Эдогава 104 пробы земли и 20 водных проб. Коммунисты предприняли это, узнав, что в районе Кото 600 жителей страдают болезнью, очень похожей на „итай-итай”. В Токийском химическом научно-исследовательском институте нашли в пробах мышьяк в концентрации 147 000 *ppm* и хром в концентрации 26 000 *ppm*. Это означало, что содержание мышьяка в 2 миллиона 940 тысяч раз, а содержание хрома в 520 тысяч раз выше, чем допускают официальные стандарты! Неудивительно, что жителей Кото и Эдогава охватила паника. Паника перекинулась в другие районы города, где предприятия „Нихон когаку когё” тоже сбрасывали отходы. И токийский муниципалитет потребовал от корпорации построить на хромовом заводе очистные сооружения. Президент „Нихон когаку когё” Канити Танахаси созвал пресс-конференцию.

— Заключение экспертов о токсичности шлака ненаучно и поэтому безосновательно, — тоном, не допускавшим возражений, заявил Танахаси. — Корпорация совершенно не намерена уступать вздорному требованию муниципалитета построить очистные сооружения. Мы не позволим муниципалитету, — Танахаси заговорил с угрозой, — подрывать устои бизнеса.

Что верно, то верно. Монополистический капитал, говоря фигурально, ляжет костями, чтобы сохранить устои эксплуататорского строя, сложенные из людских костей.

Ученые — японские и зарубежные — установили подоплеку болезни „итай-итай”: поражение внутренних органов кадмием, цинком, мышьяком, хромом. Повышенное содержание кадмия зафиксировано в 80 местах в разных концах страны, мышьяка — в 10 местах, хрома — в 303 местах, причем именно там, где отмечены случаи болезни „итай-итай”. Закономерность, исключая случайное совпадение. Суд в префектуре Тояма вынес концерну „Мицуи” обвинение в отравлении людей кадмием. Страна убедилась, таким образом, в ответственности монополистического капитала за уничтожение природы и за смерть и увечья людей. Глухими остались

только либерально-демократическая партия да формируемое ею правительство. Члены партийного комитета по природной среде с пеной у рта продолжали настаивать, что болезнь „итай-итай” никак не связана со сбросом металлов в воду и почву.

Загрязнение атмосферы вызывает заболевания дыхательных путей и легких у 127 человек из каждой тысячи японцев. В мае 1979 года 71 190 человек в 41 префектуре получали компенсацию за ущерб, нанесенный их здоровью загрязненным воздухом. Однако число людей, кому полагалась бы компенсация, неизмеримо больше. Легче пробить головой железобетонную стену здания, в котором расположилось министерство здравоохранения, чем добиться от него признания, что именно загрязнение воздуха — причина ущерба здоровью. Со своей стороны либерально-демократическая партия развернула кампанию за снижение требований к чистоте воздуха. Она настояла на своем, и в июле 1978 года был введен новый стандарт на содержание в воздухе окислов азота — 0,06 ppm. Ранее стандарт этот составлял 0,02 ppm.

В декабре 1979 года японские газеты с тревогой сообщили, что токийцы дышат воздухом, в котором окислы азота содержатся в пропорции, превышающей новый стандарт в 1,7 раза. В промышленных центрах Иокогама и Кавасаки концентрация окислов азота, по сведениям газет, приблизилась к 0,084 ppm. Это на 40 процентов больше, чем допускает норма. Сообщение прессы грозило вызвать скандал, и Управление по охране окружающей среды вынуждено было произвести проверку чистоты воздуха в городах. Проверка дала ошеломляющие результаты. Выяснилось, что содержание в воздухе окислов азота и двуокиси серы превзошло установленный в 1978 году уровень в 62 из 560 японских городов. В Токио, Осака, в префектурах Тиба и Канагава двуокиси серы оказалось на 20—30 процентов больше, чем предусматривает даже завышенный стараниями консерваторов стандарт. Газеты подсчитали, что нанесен ущерб здоровью четверти нации.

Причины усиления загрязненности воздуха не вызывали сомнений: возросла стоимость импортируемой нефти, и предприниматели, чтобы не терять прибыли, резко сократили расходы на очистку отходов производства. Кроме того, предприниматели стали использовать низкосортную китайскую нефть, в которой слишком много серы. Печать поинтересовалась выводами Управления по охране окружающей среды относительно источников отравления атмосферы, но оно уклонилось от объяснений, хотя ответ был совершенно очевидным. „Вопрос изучается”, — заявил правительственный орган, призванный беречь природу и следить за рациональным ее использованием. Это еще раз доказало, насколько справедливо и метко окрестили японцы правительственный орган — „Управлением по разрушению окружающей среды”.

До 1967 года в Японии не существовало законов, которые бы препятствовали загрязнению среды. Парламент, где большинство принадлежит консерваторам, такое законодательство наконец

принял, но с оговоркой, подсказанной монополистами: „Законодательство не должно противодействовать нормальному развитию экономики”. В представлении предпринимателей нормальным является такое развитие экономики, которое обеспечивает им максимальную прибыль. Создание же очистных сооружений эту прибыль уменьшает. Следовательно, защита окружающей среды противодействует экономическому развитию. Логика человеконенавистников? Бесспорно. Но капитализм не признает иной логики.

Не в силах помешать принятию природоохранных законов, предприниматели стремятся обойти их или избежать наказания за их нарушение. Чтобы монополистам было сподручнее это делать, правительство образовало Управление по охране окружающей среды — государственное ведомство, формально уполномоченное защищать общественные интересы, но на деле потворствующее предпринимателям. Управление поддержало, например, кампании за снижение требований к чистоте воздуха, за уменьшение компенсаций, которые выплачиваются предпринимателями жертвам загрязнения среды. Оно тянуло до 1979 года с введением контроля над загрязнением Внутреннего японского моря и ввело контроль, который, по существу, не препятствует предпринимателям уничтожать море. Дзюн Ногутти мог бы порадоваться, ибо по сию пору в Японии свято чтут его наставление: чтобы представить законной выгодную предпринимателям, но противоправную меру, надо поручить ее властям.

Предприниматели всеми силами стремятся сохранить высокие прибыли и поэтому прежде всего отказываются от расходов на защиту окружающей среды. Либерально-демократическая партия и правительство стараются помочь претворить такое желание в жизнь. Это один из способов, какими ЛДП отработывает так называемые „политические пожертвования” капитала, на которые она существует. „Политические пожертвования” — японский эквивалент взятки. Благодаря действиям Управления по охране окружающей среды, противоречившим и нуждам общества, и здравому смыслу, предприниматели получили возможность снизить в 1979 году расходы на очистные сооружения и на охрану природы до 417 миллиардов иен. Для сравнения укажем, что в 1975 году эти расходы составляли 928 миллиардов иен.

Крылатую фразу: „После нас — хоть потоп” — японские власти трансформировали в выражение: „После нас — хоть свалка”. А чтобы будущие поколения японцев не вздумали и мечтать о бездонно-голубом небе, о нежно-зеленом лесе, о прозрачно-синем море, министерство просвещения уже теперь изъясло из учебников для начальной школы всякое упоминание о загрязнении среды. Министерство не пощадило даже цитату из декларации Стокгольмской конференции ООН по проблемам окружающей человека среды: „Человеческой жизни и самой природе будет нанесен непоправимый ущерб, если люди останутся равнодушными к загрязнению среды”. А ведь декларация подписана и делегатом Японии.

Министерство просвещения не смутило и другое. Два его представителя одобрили рекомендации Межправительственной конференции по образованию в области окружающей среды, созванной ЮНЕСКО в Тбилиси в 1977 году. В рекомендациях сказано: „Роль образования в решении проблемы использования окружающей среды является решающей. Образование по вопросам окружающей среды должно быть включено в рамки всей системы формального образования на всех уровнях”.

Видный американский ученый-эколог Барри Коммонер признал: „Мы уже знаем, что современная технология, являющаяся частной собственностью, не может долго прожить, если она разрушает общественное богатство, от которого зависит, — экосферу. Следовательно, экономическая система, основанная преимущественно на частном бизнесе, становится все более непригодной и неэффективной для того, чтобы распоряжаться этим жизненно важным общественным достоянием. Значит, эту систему надо менять”.

С таким выводом невозможно не согласиться.

Бунт в Минамата

Очередная лекция на медицинском факультете университета в городе Ниигата была посвящена отравлениям организма. Преподаватель подробно описал „болезнь минамата” и ее симптомы.

— Сэнсэй! — почтительно обратился один из студентов к преподавателю. — В нашей клинике есть пациент именно с такими симптомами!

— У нас? — удивился преподаватель. — В таком случае пойдемте осмотрим его.

Студенты гурьбой кинулись в клинику. Врач, наблюдавший пациента, находился в полной растерянности: как лечить больного, он не знал. Даже диагноз поставить не мог. „Болезнь минамата”? Врач не слышал о ней. Доклад медиков университета Кумамото в его руки не попал.

Клиника затребовала специалистов из Токио. Они исследовали всех пациентов неврологического отделения клиники и нашли среди них еще несколько человек, у которых имелись признаки „болезни минамата”. Руководство медицинского факультета решило не сообщать сведений об этих больных и продолжать наблюдение за ними.

В том же 1966 году в 50 километрах от Ниигата в селении на берегу реки Агано местные врачи обнаружили людей с симптомами отравления ртутью. Но молчать они не стали. „Молчание привело бы к трагедии для тысяч людей, — объяснили позже врачи. — Надо было, чтобы о болезни услышала вся страна, но не наряду с сообщениями о налетах гангстеров на банк или убийствах с целью грабежа. Не сенсации мы хотели, а серьезного предостережения о социаль-

ном бедствии. Помочь нам могла лишь одна газета — „Акахата”, орган коммунистов”.

Благодаря „Акахате” Япония узнала, что „болезнь минамата” добралась в префектуру Ниигата, за многие сотни километров на север от острова Кюсю. Вернее, добрались сюда промышленники, построившие на реке Агано завод, точно такой же, какой „Тиссо” соорудила в Минамата. „Акахата” назвала и владельца завода — корпорацию „Сёва Дэнко”.

Я был на реке Агано. Словно в издевку, будто для того, чтобы жестоко надругаться над людьми и природой, построила „Сёва Дэнко” завод в самом, пожалуй, живописном месте северной префектуры. В узкой долине, окаймленной лесистыми горными кряжами, среди изогнутых сосен — точно руки скульптора, подчиняясь изощренному воображению, долго мяли их — дымят серые цехи. В них меня не пустили. Директор завода от разговора отказался. Ответ на вопрос, предназначавшийся директору, я услышал в ином месте — в префектуральной больнице, где (хотел написать: „лечатся”, но это было бы неправдой) дожидаются конца 600 пораженных „болезнью минамата” человек, спасти которых невозможно.

Вы помните фотографию узников лагеря смерти Освенцим? Мне показалось, что эта фотография ожила, когда я вошел в больничную палату. Скелеты, туго обтянутые изъязвленной кожей. Вздутые животы. Повисшие, словно осенние ветви, узловатые руки. Омертвевшие пальцы. У узников Освенцима светились глаза — ненавистью и надеждой. У больных „минамата” вместо глаз — навсегда потухшие студенистые бельмы.

Санитарка подвела меня к койке, к спинке которой прикреплена дощечка с надписью: „Хэймицу Исияма, 57 лет, рыбак. Поступил в больницу 23 января 1967 года”. Я невольно бросил взгляд на отрывной календарь на стене: „3 июля 1977 года” — значилось на нем. Санитарка сделала больному укол. „Иначе ему неостанет сил разговаривать с вами”, — объяснила она.

— Могли хозяева завода предотвратить беду? — спросил я Исияма.

Он пошевелил губами. Санитарка, научившаяся за десять лет понимать больного, сказала:

— Господин Исияма говорит, что могли, разумеется. На очистные сооружения требовалось всего два с половиной миллиона иен. . .

Два с половиной миллиона иен — это чуть больше шести тысяч рублей по тогдашнему валютному курсу. Шесть тысяч рублей и шестьсот жизней! Что предпринимателям оказалось дороже? Деньги.

Жители Ниигата поступили куда решительней, чем рыбаки и крестьяне Минамата. 12 июня 1967 года жертвы болезни подали в суд на корпорацию „Сёва Дэнко”. Судиться в Японии — дело долгое и дорогостоящее, и вряд ли несчастные люди смогли бы выдержать тяжбу с одной из самых богатых японских корпораций, если бы Компартия, Генеральный совет японских профсоюзов, десятки

других демократических организаций не поддержали больных присылкой адвокатов, отказавшихся от гонорара, деньгами, собранными буквально по иене по всей Японии, сочувствием, которое постоянно высказывалось на митингах и демонстрациях, на страницах газеты „Акахата”.

В Минамата суд над „Сёва Дэнко” произвел впечатление, вероятно, большее, чем землетрясение или цунами. За десять лет, минувших после подписания больными и корпорацией „Тиссо” соглашения о „денежных подарках”, корпорация воздвигла мощные оборонительные редуты на случай, если больные все же решатся подать на нее в суд. Лучше, чем кто-либо, знали хозяева корпорации, сколь опасен для них суд, пусть даже послушный капиталу и не чуждый приверженности японских чиновников к коррупции. Совершенное „Тиссо” преступление было слишком очевидным.

Помните текст соглашения о „денежных подарках”? В нем есть пункт, по которому больные, получившие такие „подарки”, отказывались от претензий к корпорации, даже если когда-либо выяснится, что причина их недуга — заражение залива Минамата промышленными отходами. Корпорация пошла дальше. Согласившись в декабре 1959 года на „денежные подарки” жертвам болезни, корпорация потребовала, чтобы специальная медицинская комиссия определила „достойных” такого подарка.

Больным из Минамата было чрезвычайно трудно добиться официального признания, что они отравлены ртутью, сброшенной заводом. Какие только заключения не ставила комиссия! Современную диагностику она превратила в широкое поле для фантазии и проявляла ее в самых буйных формах — благо, что для малограмотных жителей Минамата поле это представлялось дремучим лесом. „Пока вы не умрете и мы не вскрыем ваш труп, диагноз поставить невозможно”. И такое приходилось слышать от членов комиссии жителям Минамата. Комиссия состояла из представителей властей и медиков, находившихся на содержании у „Тиссо”.

Лишь в 112 случаях комиссия признала отравление ртутью, причем только у людей, заболевших до декабря 1959 года. После пуска на заводе фильтровальной установки отравлений ртутью вообще быть не может, возвестила комиссия и на медицинских карточках взрослых, заболевших после 1959 года, штемпелевала: „церебральный паралич”, на заявлениях, касающихся детей, — „полиомиелит”. „Обращаться в комиссию — время терять да деньги на дорогу попусту тратить”, — говорили больные, которых стали называть „новыми” в отличие от „старых”, у кого симптомы отравления ртутью появились до 1959 года. Этого-то и добивалась „Тиссо”. Но такого редута корпорации показалось мало.

Заведующий отделом филиала корпорации в Минамата Кэйдзи Хигасидаира в сопровождении длиннющей свиты навестил семьи всех 112 больных. В каждом доме он опускался на колени, говорил слова сочувствия и оставлял корзиночку с фруктами и коробку с печеньем, собственноручно приготовленным его женой. Хига-

сидайра являл собой воплощение высшей гуманности. Еще немного, и нимб святости засветился бы над головой заведующего отделом. Поистине надо лишиться сердца и потерять совесть, чтобы обидеть такого человека, затеяв с ним судебную тяжбу.

Когда Хигасидайра покидал Минамата, чтобы занять в Токио более высокий пост, проводить бывшего заведующего отделом собрались на станции десятки жителей поселка. Моросил дождь, и поезд опаздывал, но люди не расходились. „Господин Хигасидайра — настоящий джентльмен. Он так элегантен и человечен”, — растроганно сказала женщина, потерявшая из-за „болезни минамата” отца и мать. За спиной она несла ребенка — „болезнь минамата” была у него врожденной. Минамата оставался самым, наверное, глухим заповедником патернализма, тщательно оберегаемым корпорацией „Тиссо”, и дешевая демагогия Хигасидайры имела здесь успех.

Демагогия легко уживается с подлостью. Заказывая 112 корзиночек с фруктами, корпорация одновременно распустила молву, что больными, которым „Тиссо” выплатила в 1959 году „утешительные” деньги, двигала неумемная корысть, что эти больные продемонстрировали черную неблагодарность по отношению к корпорации, поднявшей поселок из прозябания к расцвету. Поэтому „старые” больные молчали, а вновь заболевшие не только не решались требовать от „Тиссо” справедливого возмещения за увечье, но и боялись даже заявить об отравлении ртутью. Единственное, на что у жителей Минамата хватило смелости, это попросить мэра поселка ходатайствовать перед „Тиссо” о выдаче традиционной компенсации за сокращение уловов. И мэр ходатайствовал, исходя из лозунга, под которым он провел свою избирательную кампанию и победил: „Что хорошо для „Тиссо”, хорошо и для Минамата”.

Патерналистская идиллия кончилась, когда в Минамата узнали об иске, предъявленном больными префектуры Ниигата корпорации „Сёва Дэнко”. Но огонь борьбы разгорелся в поселке не сразу.

Суд в Ниигата стал тем камнем, с падения которого начинается горный обвал. О непоправимых бедствиях, грозящих Японии вследствие загрязнения среды, заговорили вслед за демократической общественностью консервативные партии и буржуазные газеты, причем уже не на тех страницах, которые отведены происшествиям, а в передовых статьях. Проблема загрязнения среды сделалась главной в повестке дня сессий парламента и заседаний правительства кабинета. Газета „Асахи” в редакционной колонке „Глас народа — глас божий” написала: „У нас ничего не делалось для предотвращения промышленного загрязнения до тех пор, пока у народа не лопнуло терпение и он во всю силу голоса не вскричал: „Загрязнение!” Этот крик полон бунтарства, приводящего на память грозные крестьянские восстания”.

Из перегревшегося котла пора выпустить немного пару, пришел к выводу правящий класс, и в сентябре 1968 года правительство довело до сведения народа свою точку зрения: „Болезнь минамата” — результат употребления в пищу рыбы, содержащей ртуть, ко-

торую корпорация „Сёва Дэнко” сбрасывала в реку Агано, а корпорация „Тиссо” — в залив Минамата”. Суд в Ниигата быстро двинулся к победному для истцов завершению.

В „Комитете взаимопомощи больных”, образованном в Минамата семьями 112 жертв отравления, кто-то предложил последовать примеру жителей Ниигата. Дал себя знать и бунтарский дух, родившийся в поселке в 1959 году, когда рыбаки осадили завод. И хотя предложение было высказано крайне робко, оно встревожило „Тиссо”. Роль умиротворителя взялся на сей раз сыграть тогдашний президент корпорации.

Как и Хигасидайра, он посетил дома жертв болезни. На фрукты корпорация решила не тратить, а кулинарным искусством жена президента, видимо, не владела. Семьям больных президент вручил листки с подписанным им извинением. От имени корпорации президент просил прощения за „неприятность, которую „Тиссо” доставила”. В представлении президента смерть в мучениях, пожизненные страдания — не более чем простая неприятность. Раздачей семьям больных соевой пастилы президент увенчал лицемерный акт.

Но умиротворитель заходил в дома больных не только за тем, чтобы продемонстрировать им свое мнимое сострадание. Распластавшись на циновках и отбивая поклоны, президент уговаривал поручить решение всех вопросов, которые могут возникнуть между больными и корпорацией, „нейтральной и беспристрастной, — как выразился президент, — стороне”. Он имел в виду правительство. После некоторого колебания „Комитет взаимопомощи больных” согласился с президентом. У участников комитета еще сохранилась вера в добропорядочность корпорации, им все еще казалось, что привлечь корпорацию к судебной ответственности — все равно что судиться с родным отцом. За подобострастными поклонами и почтительными выражениями президента они не разглядели вероломства.

Прошел месяц. Комитет напомнил корпорации о договоренности с президентом. Корпорация сослалась на министерство здравоохранения, которое никак, мол, не выработает критерии определения суммы компенсации. Комитет подождал еще месяц. На повторное напоминание ответил сам министр — он все еще трудился над критериями. Подошел к концу 1968 год. Больные продолжали покорно ждать, ведь им с детства внушали, что способный терпеть способен добиться всего, чего он хочет. Наконец в мае 1969 года в поселок прибыл нарочный министерства здравоохранения. Нет, не о сумме компенсации и не о способе ее выплаты он собирался известить жителей Минамата. Нарочный обходил дома и предлагал подписать документ, гласивший: „Мы полностью доверяем министерству образовать посредническую комиссию и заранее подчиняться постановлениям, какие она выработает”. „Тиссо” задумала повторить трюк 1959 года с соглашением о „денежных подарках”. Но нельзя обманывать дважды одним и тем же способом. „Комитет взаимопомощи больных” собрался на экстренное заседание.

Слишком свежи были в памяти у участников комитета воспоминания о произволе предыдущей правительственной комиссии, что выдавала сертификаты на признание у них „болезни минамата“, слишком глубокий след оставили унижения и издевательства, которыми сопровождала комиссия выдачу „денежных подарков“. Новая комиссия наверняка окажется такой же, размышляли участники комитета, и у большинства опустились руки, исчезла воля добиваться справедливости. 73 семьи вышли из комитета, предоставив судьбе и „Тиссо“ распорядиться их будущим, их жизнью. 39 участников комитета остались думать, что делать дальше. Их опять обманули те, кому они привыкли безоглядно верить и беспрекословно подчиняться: корпорация „Тиссо“ и власти. Надо принимать решение. Но каким оно должно быть, это решение? Оставшиеся участники комитета старались не глядеть друг на друга. Кто произнесет слова, которых все боялись и все ждали?

— Хватит! Хватит терпеть! Я поднимаюсь против „Тиссо“ и против властей!

Это сказал Эйдо Ватанабэ. Он и возглавил семьи, подавшие на „Тиссо“ в суд.

Суд над „Тиссо“

Эйдо Ватанабэ не рыбачил и не возделывал землю. Он торговал вразнос. В Минамата, в соседних поселках и деревнях привыкли к веселому разбитному торговцу, на тележке которого всегда можно было найти сладости, пирожки с соевой начинкой, нитки, пуговицы, тесемки для гэта — национальной японской обуви и прочие товары, доставлявшие радость детям и необходимые в быту взрослым.

— Когда врач сказал, что у меня „болезнь минамата“, мне показалось, это смертный приговор, — рассказывал Эйдо Ватанабэ. — Но смерть обошла меня. Она забрала бабушку и замахнулась на мать, отца, жену и детей — „болезнь минамата“ поразила их тяжелее, чем меня. Почему „Тиссо“ отравила мою семью, разобраться я не мог. Проучился я всего восемь классов. — Лицо Ватанабэ тронула смущенная улыбка. — И в школе не отличался особыми успехами. „Тиссо“ лишила меня возможности работать, кормить семью и отказалась заботиться о нас. — Голос Ватанабэ зазвучал уверенно и громко. — И у меня не осталось иного выхода, как защищаться. Затравленный и прижатый к стене котенок, и тот превращается в льва. — Ватанабэ снова улыбнулся.

Адвокаты, присланные Генеральным советом японских профсоюзов, помогли больным составить иск. 14 июля 1969 года предъявляя его от имени 39 семей, Ватанабэ в окружном суде префектуры Кумамото сказал:

— Природа дала нам руки, чтобы трудиться. Дала глаза, чтобы видеть солнце. Уши, чтобы слышать шум моря и пение птиц. Созна-

ние, чтобы радоваться жизни. „Тиссо” отобрала все: способность работать, видеть и слышать мир, наслаждаться жизнью. „Тиссо” убила многих из нас. Есть ли преступление более тяжкое? И еще я хочу спросить вас, господин судья. Если мы выиграем дело и „Тиссо” выдаст нам деньги на жизнь и лечение, можно ли будет считать, что справедливость полностью восторжествует? А кто заплатит за последствия загрязнения среды в государственном масштабе?

За три месяца подготовки к борьбе в суде жители поселка Минамата повзрослели в социальном отношении сразу на десяток лет.

Корпорация построила свою защиту на лжи и коварстве. „Главный пункт обвинения заключается в том, что корпорация ответственна за возникновение „болезни минамата”. Однако в то время, когда завод приступил к производству ацетальдегида, наука не была в состоянии предсказать последствия сброса промышленной воды в залив”, — утверждали защитники, нанятые „Тиссо”. Защитники говорили неправду. Еще в 1932 году Дзюн Ногуты принял меры для сохранения в тайне факта использования в производственном процессе ртути. Ногуты еще тогда постарался, чтобы о сбросе ртути в залив не узнали жители Минамата.

„Корпорация применяла самые эффективные средства для очистки сточной воды”, — доказывали защитники, и снова в их словах отсутствовала истина. Адвокат обвинения спросил у директора завода Эйити Нисида, которого истцы заставили явиться в суд:

— Считаете ли вы, что вода, проходившая через фильтровальную установку, становилась безвредной?

— Я... Видите ли... — замялся Нисида и, отводя глаза от скамьи, где сидели Эйдзо Ватанабэ и его товарищи, еле слышно произнес: — Не знаю...

— Я спрашиваю, становилась вода безвредной или нет? — добивался адвокат четкого ответа.

— Видите ли, я в то время думал, мне тогда казалось, что, пропустив воду через фильтровальную установку, мы очистим ее, но... — мямлил Нисида.

— То есть вы не знали точно, очищается вода или нет?

— Да, не знал, — выдавил из себя Нисида.

Позже, на другом судебном процессе, где Нисида займет место не свидетеля, а подсудимого, выяснится ложь директора завода. Он знал, что фильтровальная установка не удаляет всю ртуть из сточной воды. И годы спустя после пуска установки концентрация ртути в волосах жителей поселка Минамата по-прежнему достигала 300 ppm. Контрольные замеры, проведенные в столице префектуры — городе Кумамото, наличия ртути в волосах людей не показали.

„И наконец, остается в силе соглашение между жителями Минамата и корпорацией о „денежных подарках”. — Защитники бросили на судейский стол еще один аргумент. — Жители Минамата обязались по этому соглашению никогда больше не предъявлять претензий к „Тиссо”.

В зале суда раздались возгласы негодования. Но как доказать, что корпорация, вынуждая подписывать соглашение о „денежных подарках”, шла на заведомое вероломство, ибо уже имела полное представление о причинах „болезни минамата” и, следовательно, о степени ответственности за смерть и увечья жителей Минамата? Помощь истцам пришла оттуда, откуда они меньше всего ожидали. Заговорил Хадзимэ Хосокава, бывший главный врач больницы при заводе в Минамата.

Хосокава умирал. Умирал медленно и тяжело. Показания он дал, лежа в постели. Это была скорее исповедь человека, с чьих глаз спала повязка, которую он добровольно носил всю жизнь.

— В Минамата меня называли „псом корпорации” и были правы, — начал Хосокава, присягнув, как требует судебная процедура, что станет говорить правду и только правду. — Я первым доискался до причины „болезни минамата” и скрыл ее от людей. Преданность корпорации я поставил выше врачебного и человеческого долга и сделался соучастником преступления. — Хосокава свидетельствовал, тщательно подбирая слова, стараясь последовательно и точно излагать факты. — 7 октября 1959 года, то есть за два с лишним месяца до подписания соглашения о „денежных подарках”, у подопытной кошки номер 400, которой я ввел пробу воды с компонентами ртути, появились симптомы „болезни минамата”. „Пес корпорации” не позволил, однако, обидеть хозяев. . .

. . . Вся жизнь доктора Хадзимэ Хосокава была связана с „Тиссо”. Ему, молодому врачу без связей и без практики, корпорация дала место, продвигала по службе, вплоть до высокой должности заведующего больницей при заводе в Минамата. И Хосокава испытывал сыновнюю благодарность к хозяевам „Тиссо”. Он близко сошелся с некоторыми из них. Когда он видел своих детей, играющих с сыновьями и дочерьми директора и управляющих, слезы признательности туманили его глаза. Признательности за то, что элита не гнушается общаться с выходцем из небогатой и никому не известной семьи. Тщательным выполнением обязанностей платил Хосокава корпорации за доброту.

С тщанием взялся он и за изучение причин „болезни минамата”. Сначала он ввел подопытным кошкам пробы воды с частицами марганца. В состоянии животных заметных изменений не произошло. Потом Хосокава испытал на кошках пробы воды с частицами селена, таллия, меди и свинца — воду Хосокава брал в заливе. И снова никаких болезненных явлений у кошек доктор не отметил. Содержание в воде этих элементов было, судя по всему, невелико. Составляя для руководства завода отчеты об экспериментах, Хосокава искренне радовался: обвинение в адрес корпорации в загрязнении среды не подтверждалось, и, значит, тучи над головами благодетелей рассеивались.

Доктор не страдал тщеславием, но все же испытал гордость, узнав, что результаты исследований корпорация предаст гласности. Правда, форма, в какой „Тиссо” это делала, несколько коробила

Хосокаву. Статьи, излагавшие итоги опытов, содержали едва замаскированную брань по поводу некомпетентности коллег Хосокавы из университета Кумамото и совсем открытую ложь о наследственных алкоголизме и сифилисе, которые будто бы и вызвали у жителей поселка „болезнь минамата”. Хосокава успокаивал себя тем, что сам он чист и перед медициной, и перед людьми.

7 октября 1959 года кошка, помеченная номером 400, вдруг показала признаки „болезни минамата”. Хосокава заглянул в регистрационный журнал: кошке введена проба воды, взятой из залива, с частицами ртути. Поначалу Хосокава возликовал: тайна болезни раскрыта! Но потом задумался: а как же заявления „Тиссо” о некомпетентности университетских врачей и клевета корпорации на больных? Тем не менее Хосокава, по обыкновению, подробно и аккуратно составил отчет и отнес его директору завода.

Утром следующего дня ассистент Хосокавы, посланный к устью заводского канала за очередными пробами воды, вернулся с пустыми колбами. Охранники завода не подпустили ассистента к берегу. Через некоторое время Токийский университет, куда Хосокава послал кошку номер 400 для патологоанатомического анализа, известил, что подопытное животное пропало из университетской лаборатории. Хосокава растерялся. Долг врача требовал немедленных действий, чтобы остановить отравление залива и реки ртутью, — ведь от этого гибли люди. Преданность корпорации заставляла молчать. Хосокава направился к директору завода.

Сколь много лестного о себе услышал от директора Хосокава! Как высоко ценит Хосокаву корпорация! Когда директор вскользь упомянул о возможной сумме пенсии, которую „Тиссо” намерена выплатить Хосокаве по достижении им предельного для службы в корпорации возраста, у доктора потемнело в глазах.

— После службы у нас вы будете твердо стоять на ногах, уважаемый господин Хосокава, — сказал директор. И провожая Хосокаву из кабинета, обронил как бы между прочим: — А эксперименты прекратите. Пусть живут ваши бедные кошки. . .

Закрыв за собой директорскую дверь, Хосокава подумал: чтобы твердо встать на ноги, ему придется опуститься на колени. И еще он вспомнил листовку, подброшенную кем-то в его лабораторию. Написанная от руки и размноженная на гектографе, листовка рассказывала об истории заражения корпорацией „Тиссо” залива Минамата. В листовке приводились слова, сказанные 50 лет назад основателем завода Дзюн Ногуты: „Жители Минамата — это не люди. Это — скот, который следует использовать до предела”.

Хосокава рассказал на суде об опытах, которые провел, об их запрещении, о возобновлении экспериментов по распоряжению хозяев „Тиссо”.

— Опыты разрешили мне продолжить сразу после того, как корпорацию „Сёва Дэнко” уличили в отравлении ртутью реки

Агано, — давал показания Хосокава. — „Тиссо” была столь любезна, что сама предоставляла мне пробы воды из отстойника фильтровальной установки и из залива. — В голосе Хосокавы появились нотки сарказма. — Но я не знал, та ли эта вода, какую сбрасывает завод. Во всяком случае, больных животных среди моих подопытных кошек я больше не встречал. Такие сведения были переданы корпорацией „Тиссо” в печать. . .

„Доктор Хосокава очень болен и, возможно, не отдает отчета своим словам, — запротестовали юристы „Тиссо”. — Можно ли верить показаниям человека, у которого явно помутнено сознание?”

Адвокат обвинения предложил провести проверку свидетельства доктора Хосокавы. Суд выехал на завод в Минамата.

После прекращения в 1968 году производства ацетальдегида завод забросил канал, по которому спускал промышленную воду. Дно канала затвердело, покрылось глубокими неровными трещинами — так выглядит земля в каменистой пустыне. Рабочий ступил на дно канала и с силой ударил мотыгой по безжизненному грунту. В мелкой ямке серебряно сверкнули крупницы металла. Это была ртуть.

Доктор Хосокава не дожил до окончания процесса. Перед зданием суда жители Минамата поставили небольшой алтарь и подле фотографии доктора, укрепленной на алтаре и увитой черной лентой, зажигали свечи каждый раз, когда приезжали на слушание дела. „У доктора спала с глаз повязка, но она не закрыла ему рот”, — говорили жертвы „болезни минамата”.

Жители Минамата сражались не в одиночку. Мощное общественное движение в поддержку больных развернулось по всей стране. В него включились демократические партии, профсоюзы, прогрессивные организации интеллигенции и студентов. Движение рассматривало суд в префектуре Кумамото не только как средство добиться справедливости и хотя бы минимально обеспечить жизнь больных, но и способ официально осудить монополистический капитал за хищническое отношение к природе.

28 июня 1970 года в самой просторной аудитории Токийского университета собрались участники движения. Они говорили о том, как, в каких формах оказать действенную помощь борьбе жителей Минамата. На митинге было решено организовать всеяпонский марш в поддержку борьбы жителей Минамата. В белых одеждах и широкополых шляпах, сплетенных из осоки, — так одевались в старину пилигримы — активисты движения отправились из Токио через всю Японию в Минамата. В городах и поселках они устраивали митинги и собрания, на которых рассказывали о борьбе против „Тиссо”, о загрязнении среды промышленными корпорациями и о страшных последствиях для людей этого загрязнения, собирали деньги в пользу больных в Минамата.

В тот год в Японии открылась Всемирная выставка „Экспо-70”. Устроители избрали для выставки девиз: „Прогресс и гармония

Митинг в поддержку жертв „болезни минамата”

человечества”. Марш в поддержку жителей Минамата — к нему было приковано всеобщее внимание — опровергал девиз. „Прогресс капиталистической Японии достигнут ценой нарушения гармонии между человеком и природой”, — написали на своих лозунгах участники марша. Власти ставили всяческие препоны на их пути, однако запретить марш опасались. В поселке Минамата люди, наделенные способностью стойко переносить жуткую болезнь, выдерживать тяготы существования, лишенного надежды, заплакали, когда „пилигримы солидарности” вошли в поселок. „Беда становится легче и сил прибавляется вдвое, если опираешься на плечо друга”, — приветствовал участников марша Эйдзо Ватанабэ. Суд над корпорацией длился уже год — японская Фемида крайне нетороплива при разборе дел, касающихся власть имущих, — и больным очень нужны были новые силы, чтобы довести борьбу с „Тиссо” до конца.

Юристы корпорации посоветовали президенту „Тиссо” Кэнити Симада уговорить больных отказаться от иска и закрыть дело. Из-за суда недобрая слава о „Тиссо” распространялась по стране и грозила повредить бизнесу. Симада избрал способ, дважды опробо-

ванный корпорацией: он отправился к истцам домой. И первым на его пути был дом Эйдзо Ватанабэ.

Хождение в Минамата президент начал с посещения храма. Симада помолился за упокой бабушки Ватанабэ. До сих пор наглое лицемерие не подводило Симаду. Президент усвоил, что оно хорошо воздействует на людей, приученных прислуживать. Симада сам в совершенстве постиг науку пресмыкательства перед теми, кто богаче и сильнее, и привык видеть вокруг себя раболепие. Раболепным он считал и Эйдзо Ватанабэ. Тот и был таким — до суда. Борьба переродила Ватанабэ. Котенок действительно превратился в льва. И лицемерие президента вызвало у Ватанабэ брезгливость.

Ватанабэ вежливо выслушал многословное соболезнование Симады по поводу кончины бабушки. Поклоном поблагодарил за выражение сочувствия больным членам семьи — их, вместе с Эйдзо, семеро. Ватанабэ ждал, когда президент заговорит о главном, о цели прихода. И президент сказал:

— И вы, господин Ватанабэ, и я — мы оба стремимся к правде. — Симада сполз на пол с дзабутона — подушки, на которой сидят в японских домах, и согнулся в поклоне. Взобравшись обратно на дзабутон и усевшись, подогнув ноги, Симада продолжал: — Публичный суд не поможет нам определить истину. — Симада сделал паузу, чтобы следующие его слова прозвучали весомее. — Давайте обратимся к суду посредников, потому что посредник заботится о правде. Для того и изобретен суд посредников, чтобы могла торжествовать правда, — добавил Симада. — Заберите иск, и мы, сообща с посредником, отыщем истину.

Тишина воцарилась в забитом до отказа людьми доме Ватанабэ. Послушать президента „Тиссо” пришли члены семей, участвовавших в процессе. Чувствовалось, что слова Симады произвели впечатление на рыбаков и крестьян, не искушенных в хитросплетенной риторике. Что скажет Ватанабэ?

— Правда заключается в том, господин президент, что корпорация повинна в наших страданиях и должна ответить за них. Вот бумага. — Ватанабэ, не поднимаясь с колен, взял с полки тетрадь и положил ее перед Симадой. — Напишите, что вы принимаете эту правду. Напишите, что признаете ответственность „Тиссо” за смерть и болезнь жителей Минамата, за загрязнение среды.

— Да! Да! Пусть напишет! Тогда мы поверим ему! — Крик заставил Симаду испуганно втянуть голову в плечи. Он затравленно озирался по сторонам. Провести больных не удалось: кругом разъяренные лица, ненавистью горящие глаза. Дрожащими руками Симада достал авторучку и развернул тетрадь.

— Я могу признать моральную, но не юридическую ответственность корпорации, — хрипло проговорил Симада. Он написал торопясь несколько строк и размахисто расписался.

Ватанабэ протянул записку адвокату корпорации, сидевшему рядом с Симадой. Адвокат скривил губы в презрительной усмешке.

— Эта бумажка никакой юридической силы не имеет, — бросил адвокат.

— Вот видите, господин президент. — Ватанабэ старался говорить спокойно. — У нас с вами разная правда.

У товарищей Ватанабэ выдержки оказалось меньше.

— Вон! Прочь отсюда! Убирайтесь! — закричали они. И Симада, надевая на ходу туфли, поспешно бросился из дома.

В июле 1972 года, вскоре после того как пошел четвертый год разбирательству иска, суд устроил выездное заседание. Судья с помощниками отправился за показаниями к больным, которым недуг не позволял приехать в Кумамото. Вне казенной обстановки судебного зала показания истцов воспринимались как скорбная повесть о выпавшей им ужасной доле, как отчаянный призыв к милосердию и справедливости. В тот день трагедия, что обрушилась на Минамата, предстала суду как никогда полно.

— Моя дочь Томоко родилась 13 июня 1951 года, — рассказала Ёсико Уэмура. Ее иск тоже рассматривался судом. — Через два дня после родов судорога свела тело девочки. Я обняла ее, думала: согрею и судорога пройдет. Но девочка корчилась все сильнее. Я быстро спеленала ее и побежала к врачу.

Судья явился в дом Уэмура, чтобы допросить саму Томоко. Но единственный звук, который она научилась произносить за 21 год жизни, был: „а-а-а”. Да и не услышала бы Томоко вопросов судьи — она родилась глухой. Не мог решить судья, видит ли его Томоко. В широко открытых немигающих глазах отсутствовала мысль.

— Доктор лечил ее от простуды, но девочке не делалось лучше, — продолжала Ёсико Уэмура. — Томоко исполнился год, а она не умела ни сидеть, ни ползать. Врачи по-разному называли ее болезнь и наконец сказали: „минамата”.

Томоко лежала у матери на коленях, и невозможно было поверить, что ей 21 год. Рост Томоко не превышал одного метра, весила она 14 килограммов. Рассказывая, мать старалась разжать пальцы Томоко, сжатые в кулачки. Но стоило пальцы выпрямить, как они тут же сжимались. „Это у нее с самого рождения. Я пытаюсь выпрямить пальцы 20 лет”, — сказала Ёсико Уэмура, заметив, что судья наблюдает за ее занятием.

— Всегда случалось почему-то так, что судороги начинались у Томоко, когда в доме не оказывалось денег, чтобы вызвать врача. Я бросалась к отцу: „Помогите, отец. Томоко опять плохо. Дайте, пожалуйста, денег”. Отец сначала давал, а потом сказал: „Дочка, я ведь не печатаю деньги”. Он бедный, как и я.

Ёсико Уэмура прервала рассказ. Она раздела Томоко, влажным полотенцем обтерла ее и завернула в чистые пеленки. „И так все 20 лет!” — вырвалось у кого-то за спиной судьи. В другое время судья сделал бы строгий выговор за реплику в ходе заседания, но сейчас он даже не повернулся.

Томоко Уэмура

— Медицинская комиссия, выдававшая сертификаты тем, у кого признавала „болезнь минамата”, много раз осматривала Томоко. „Полиомиелит, полиомиелит”, — твердила комиссия, хотя врачи из университета Кумамото определили у Томоко „болезнь минамата”. — Ёсико Уэмура положила себе на ладонь кулачок Томоко и принялась разжимать непослушные пальцы. — „Тиссо” очень не хотелось, чтобы Томоко получила „денежный подарок”...

В маленьком, покрытом щебенкой дворике следующего дома, куда пришли судья и его помощники, худой угловатый мальчик неловко подбрасывал камень, который должен был изображать, по видимому, мяч, и тщетно пытался попасть по нему бейсбольной битой. Странно и страшно искривленные руки не слушались мальчи-

ка, но он упрямо, будто заведенный, продолжал подкидывать камень и махать битой. Нескладные движения, которые мальчик повторял с методичностью механизма, внушали ужас.

— Тоёдзи Мацуда! — позвал секретарь суда. Мальчик обернулся. Его подбородок покрывала уже седеющая щетина.

— Сейчас! Сейчас! Остался последний сет!

И снова, словно запущенная машина, камень летит вверх и бита проходит мимо камня, бросок камня и взмах биты, бросок и взмах, бросок и взмах. . .

Судья долго смотрел на стареющего мальчика, потом медленно повернулся и тихо пошел со двора. А сзади к размеренному звонкому стуку камня о щебенку добавился звук: „у-у-у”. Одиноким бейсболист изображал орущую толпу болельщиков.

Семья Сугимото встретила судью в полном составе. Глава семьи Эйко сидела на циновках посреди комнаты, закутав неподвижные ноги одеялом и спрятав в широких рукавах кимоно руки, обезображенные болезнью. Бабушка — мать Эйко Сугимото — лежала в углу. „Болезнь минамата” давно приковала ее к постели. В последние дни она уже почти не говорила. Недуг не коснулся — или, может, еще не дал о себе знать — детей Эйко, пятерых мальчиков, рассеявшихся позади нее. Старшему минуло четырнадцать, младшему — пять, и мальчишки не понимали важности происшедшего — им стоило большого труда удержаться от шалости. Еще два дзабутона пустовали. На них Эйко поставила портреты отца и мужа. Портреты обрамляли черные ленты.

— Господин судья, корпорация отняла у этих детей, — Эйко кивком указала на ребят, — деда и отца. Она убила их кормильцев. У нас теперь некому ловить рыбу. Нам грозит исключением из артели, потому что, когда надо тянуть сеть, никто из нас не может делать это. Где мои прежние руки? — Голос Эйко дрогнул. — Я родила и вынянчила пятерых детей и вдобавок помогала отцу и мужу ловить рыбу. Где теперь эти руки? — Эйко выпростала из рукавов ладони с уродливо изогнутыми пальцами и поднесла их к лицу судьи. — Вот они! Посмотрите на мои руки! В них нет силы и нет жизни. — Голос Эйко сорвался, и ей потребовалось усилие, чтобы не заплакать. — Я хочу работать и растить детей, — еле слышно проговорила Эйко. — Господин судья, — сказала она громче, — кто станет растить моих детей? Где я добуду денег лечить мать и лечиться самой? Разве не обязана „Тиссо”, отобравшая у нас радость, дать нам возможность существовать не голодая? — Эйко овладела собой и заговорила решительно и жестко. — Господин судья, я хотела найти справедливость у „Тиссо”, но не нашла. Справедливым может быть лишь тот, кто человечен. „Тиссо” бесчеловечна. Господин судья! Справедливость воцарится, когда каждый будет чужую обиду воспринимать как свою. Способны ли вы считать нашу обиду своей?

На 20 марта 1973 года суд назначил оглашение вердикта. Накануне к зданию окружного суда стали стекаться люди. Больные — и

те, кто участвовал в процессе, и те, кто не осмелился вступить в схватку с „Тиссо”, — приехали в Кумамото и у входа в суд разбили палатки. Когда спустилась ночь, палатки осветились изнутри дрожащим неверным светом керосиновых ламп. Двор суда напомнил боевой стан перед последним, самым главным сражением.

Утром народу прибавилось. Прибыли представители профсоюзов, общественных организаций, поддерживавших жителей Минамата, и здание суда окружила толпа, расцвеченная красными знаменами и синими, зелеными, желтыми флагами профсоюзных объединений. На улицах в Минамата — ни души. Кто остался в поселке, приткнулся к телевизору — телевидение вело прямую передачу из Кумамото.

Судья Дзиро Сайто жестом разрешил присутствовавшим сесть и оглядел зал. Все 39 истцов на месте. Тесная галерея для публики переполнена. Пусто лишь на скамье, отведенной ответчикам. Только юрист „Тиссо” примостился на краешке скамьи. Сайто раскрыл папку и принялся читать вердикт. Подобно всем, наверное, судьям в мире, Сайто читал монотонно, почти без пауз, скороговоркой называл статьи кодекса и их параграфы. Но как слушал зал судью! Вряд ли окружной суд в Кумамото собирал когда-либо столь сосредоточенную, напряженную и ждущую аудиторию.

— Химическое предприятие, спускающее загрязненную в процессе производства воду, возлагает на себя долг соблюдать необходимые меры безопасности. — Сайто прокашлялся и поправил съехавшие на нос очки. — Предприятие обязано выявлять наличие в загрязненной воде вредных субстанций и не допускать их воздействия на живые организмы, посевы и человека. — Сайто бросил быстрый взгляд на юриста „Тиссо”. Тот с безразличным видом чертил что-то на бумажке. — Химическому предприятию, — продолжил Сайто, — следует применять для контроля за безопасностью отходов самые современные средства и обеспечивать все максимальные меры, вплоть до немедленного прекращения производства, если появляется хотя бы ничтожное сомнение в безвредности сбрасываемой воды. Никакому предприятию, — Сайто впервые чуть повысил голос, — не позволено функционировать за счет жизни и здоровья находящихся рядом с ним людей.

Судья отдал дань общественному мнению, поднявшемуся в защиту природы и людей от промышленного загрязнения. Кто осмелится упрекнуть суд в Кумамото, что он не выступил за сохранение среды, окружающей человека?

Сайто перешел к сути разбиравшегося судом дела, и тут зал услышал слова будто из другого вердикта.

— Концентрация вредных частиц в воде, сбрасывавшейся заводом в залив Минамата, соответствовала установленным законом нормам. Метод очистки, использовавшийся на заводе, являлся наиболее совершенным в химической отрасли, — читал Сайто.

У здания окружного суда в городе Кумамото
в день оглашения вердикта 20 марта 1973 г.

А как же заключение врачей университета Кумамото о высоком содержании ртути в воде залива? А показания доктора Хосокавы? А проверка его показаний в сточном канале? Игнорировать эти свидетельства судья, разумеется, не мог. Поэтому дальше он записал в вердикте:

— Суд считает, однако, что ответчики виновны в недостаточно четком исполнении существующих правил.

По залу прокатился ропот и стих под сердитым взглядом судьи — Сайто часто пользовался правом очищать зал от публики, если она мешала, по его мнению, заседанию суда.

Где властвует сила денег, там закон бессилен воздать сторицей за преступления, совершенные денежным мешком. Суд в Кумамото не явился исключением. Закон оказался бессильным со всей строгостью покарать „Тиссо”, сознательно отравлявшую залив Минамата. Вердикт отразил это бессилие. Всего лишь „недостаточно четкое исполнение существующих правил” вменил в вину корпорации суд.

Сайто приступил к оглашению постановляющей части судебного решения.

— Истец Эйдо Ватанабэ получит от ответчика 11 миллионов 233 тысячи 89 иен, Томоко Уэмура — 18 миллионов 925 тысяч 41 иену. . . — объявлял судья Сайто суммы компенсации. И этот скрупулезный, вплоть до гроша, пересчет в иены мук Эйдо Ватанабэ, страданий Томоко Уэмура прозвучал столь кощунственно, что могильная тишина повисла в зале, когда судья умолк и закрыл папку с вердиктом.

Тридцать девять семей из Минамата выиграли дело, но не победили. Конечно, компенсация лучше, чем ничего, и больные 14 лет добивались ее. Однако вердикт не коснулся ответственности „Тиссо” за загрязнение среды.

— Мы не хотим говорить: „победа”, потому что в разных концах Японии заводы по-прежнему отравляют воду и почву, загрязняют воздух, — сказал после суда Эйдо Ватанабэ. — За победу предстоит бороться, и не в одном Минамата, а везде, где гибнет природа и страдают люди.

Суд в Кумамото кончился. Но не кончилась борьба жителей Минамата против „Тиссо”. Компенсации добивались „новые” больные, у кого „болезнь минамата” власти признали после 1959 года.

Борьба продолжается

— Суд — это не более чем торги, где власти, прикрываясь законом, сбивают цену за жизнь и здоровье людей, — сказал Тэруо Кавамото, руководитель так называемой „Группы прямых переговоров с „Тиссо”, которая образовалась в Минамата в октябре 1971 года.

Вы помните, что „Комитет взаимопомощи больных” — в него входили жители Минамата, у кого отравление ртутью официально признали до декабря 1959 года, — распался в 1969 году. Часть его членов подала на „Тиссо” в суд, а остальные положились на обещание корпорации полюбовно разрешить вопрос о компенсации, прибегнув к посредничеству правительственной комиссии. В том, что правительство капиталистов — это организованный обман, доверчивые жители Минамата убедились довольно скоро. Комиссия из чиновников министерства здравоохранения не стала утруждать себя изучением дела. Она попросту предписала больным удовлетворяться суммами, назначенными „Тиссо”: от 3 до 4 миллионов иен в зависимости от степени заболевания. Предписание комиссии возмутило больных: денег корпорации хватало на жизнь в течение 2—3 лет при условии, что больные не будут лечиться. И они отрядили в Токио 16 представителей — искать правду.

Особенно долго заниматься заведомо пустыми поисками больным не позволили. Когда они расположились на тротуаре у входа в министерство здравоохранения — вовнутрь больных попросту не пустили, — явилась полиция и арестовала 13 человек. Трех полиция оставила на свободе: прибрать с тротуара обрывки плакатов, привезенных из Минамата и растоптанных полицейскими. „Тиссо” увеличила суммы компенсации на 500 тысяч иен, а правительственная комиссия предупредила, что если больные посмеют приехать в Токио еще раз, то предложенную корпорацией компенсацию им придется потратить на защитника в суде по делу о беспорядках, устроенных в министерстве здравоохранения.

Никаких посредников, самостоятельные прямые переговоры с „Тиссо” о полной расплате со всеми больными, независимо от времени, когда недуг поразил их, и открытая борьба с корпорацией в случае отказа от переговоров, провозгласила „Группа прямых переговоров с „Тиссо””. Движение становилось все более организованным и зрелым.

После того, как в 1969 году правительство заявило, что „болезнь минамата” — результат отравления ртутью, сброшенной предприятиями вместе со сточной водой, жители поселка, у которых наблюдались симптомы болезни, стали обращаться в медицинскую комиссию префектуры с требованием официально признать наличие у них отравления. Сертификат, удостоверявший „болезнь минамата”, позволял надеяться на денежную помощь.

„Тиссо” категорически отвергала любые денежные претензии. С пуском на заводе фильтровальной установки, то есть с декабря 1959 года, „болезнь минамата” перестала существовать, утверждала корпорация. Недуг „новых” больных вызван не ртутным отравлением, и пусть заботу о них берет на себя государство, стояла на своем „Тиссо”. Поэтому медицинская комиссия крайне неохотно выдавала сертификаты: печся о больных государство совсем не хотело, не желало оно и давить на корпорацию. Среди тех, кому

было отказано в официальном признании заболевания, находились Тэруо Кавамото и его отец.

В соответствии с соглашением о „денежных подарках” рыбаки, оставлявшие промысел, могли наняться на работу в „Тиссо”. Тэруо Кавамото сделался учеником в карбидном цехе завода. До рабочего он так и не дорос. После первой же забастовки его уволили. Кавамото поступил в медицинское училище и в 1962 году был зачислен санитаром в больницу при заводе в поселке. Здесь-то он и познакомился с неприкрытым произволом в отношении жертв „болезни минамата”. Врачи не только не признавали у пациентов эту болезнь, хотя симптомы были налицо. Поставив вымышленный диагноз, врачи и лечили согласно ему, то есть, по существу, убивали людей.

Заболел и в мучениях умер отец. Кавамото сам доставил тело отца в городскую больницу Кумамото для вскрытия. Акта патологоанатомического анализа Кавамото не получил. Он обратился к руководству больницы, к мэрам Кумамото и Минамата. Тщетно. Кавамото написал в Японскую ассоциацию защиты прав человека. „Обладаю ли я правом знать, отчего умер мой отец? — спрашивал ассоциацию Кавамото. — Я полагаю, что такое элементарное и неременное право у меня есть. Так почему больница не извещает о причине смерти отца?”

Ассоциация на письмо не откликнулась. Видно, там вдоволь посмеялись над наивным Кавамото. Сообщить о том, что „болезнь минамата” повлекла смерть отца, значило обвинить власти во лжи и в холуйстве перед „Тиссо”. Ведь медицинская комиссия префектуры не нашла оснований для выдачи отцу сертификата, удостоверяющего „болезнь минамата”. В это время Тэруо Кавамото почувствовал, что заболел сам. „Бороться с „Тиссо” и послушными ей властями — единственный путь добиться справедливости и продлить себе жизнь”, — пришел к выводу Кавамото.

Кавамото проработал на заводе недолго, и весь его опыт антимонополистической борьбы исчерпывался участием в одной забастовке, однако Кавамото успел понять: только объединенными усилиями можно сломить сопротивление предпринимателей. Возвращаясь с дежурства в больницу, Кавамото садился на мотоцикл и отправлялся к больным — в Минамата, в окрестные поселки и деревни. Не везде открывали ему двери, не в каждой семье соглашались примкнуть к нему — извечный страх перед властью и неверие в собственные силы сковывали рыбаков и крестьян.

Но Кавамото не отчаивался. Он приходил еще и еще. „Страшась одной беды — кары властей, мы впадаем в худшую беду — умираем заживо”, — объяснял Кавамото боязливым. „Никто не знает, каковы его силы, пока их не испробует”, — убеждал он нерешительных. И Кавамото создал наконец организацию, которая назвала себя „Группой прямых переговоров с „Тиссо”.

Декабрь 1971 года выдался холодным и ветреным. Стыли грудь и спина под рыбацкими куртками и под хаори — короткими

Сидячая демонстрация в здании „Тиссо”

накидками. Коченели руки. Деревянные гэта не защищали ноги от зимней слякоти. Тэруо Кавамото и его друзья, казалось, не ощущали стужи. Стройной колонной двигались они по токийским улицам в самый центр города, в деловой квартал Маруноути к зданию корпорации „Тиссо”. Ветер тяжело хлопал рогожным полотнищем флага, что нес Кавамото. Такой флаг был в старину знаком крестьянского восстания.

Охранники „Тиссо” попытались было задержать колонну в вестибюле, но остановились в нерешительности: отчаянная решимость читалась на лицах рыбаков и крестьян, непоколебимая твердость чувствовалась в их шаге. На четвертом этаже здания корпорации, где находится кабинет президента, члены „Группы прямых переговоров” вывесили плакат: „Нас прислали мертвые поселка Минамата” — и сели на пол. „Сидячая демонстрация будет длиться до тех пор, пока корпорация не вступит с нами в переговоры”, — заявил Тэруо Кавамото.

На третий день корпорация бросила против демонстрантов всю охрану, какой располагала. Демонстранты крепко взялись под руки, и охранникам не удалось ни разорвать, ни сдвинуть живую стену. Президент Кэнити Симада согласился встретиться с Кавамото. Демонстрантов пригласили в конференц-зал.

Полностью обеспечить жизнь и лечение больных — и тех, кто уже получил сертификаты, и тех, у кого медицинская комиссия признает отравление ртутью в будущем. Такое требование предъявили демонстранты президенту.

Симада отклонил требование. Все споры, заявил он, должны разрешаться „Центральным советом по конфликтным проблемам, связанным с загрязнением среды” — правительственным органом, который сформировали в 1970 году. Кроме того, „новые” больные не имеют никакого отношения к „старым”, подчеркнул Симада, поскольку после 1959 года „болезни минамата” не стало. Корпорация не позволит обобрать себя бездельникам, неизвестно отчего и как заболевшим. Цинизм и бесстыдство президента покорибли даже чиновников министерства здравоохранения, присутствовавших на переговорах.

Симада поднялся, давая понять, что переговоры окончены. Но дорогу ему преградили демонстранты.

— Господин президент, вам повезло: вы здоровы, — сказал Кавамото. — Я и все, кто пришел сюда из Минамата, больны. Многие — неизлечимо. Вам трудно понять наши страдания. Однако попытайтесь разделить со мной хотя бы ничтожную долю моих мук. Вот нож. — Кавамото вынул из кармана острое лезвие с грубой деревянной ручкой — им рыбаки потрошат рыбу. — Надрежьте ножом мне руку, и я кровью поставлю подпись под нашими требованиями. Потом я надрежу вашу руку, и вы своей кровью напишите отказ.

Кавамото поднес лезвие к лицу Симада. И в этот момент в конференц-зал ворвались полицейские. Выламывая руки больным, волоча их за ноги, рассыпая удары по головам и лицам сопротивлявшихся демонстрантов, полицейские выбросили их сначала из конференц-зала, а затем и из здания корпорации. На следующий день „Тиссо” подала на Тэруо Кавамото в суд за разбитые в схватке окна и поврежденные двери.

События в „Тиссо” вызвали негодование в Японии. О них рассказали газеты. Схватку в конференц-зале показало телевидение. И когда больные установили палаточный лагерь у входа в корпорацию, сотни людей ежедневно приходили выразить им свою поддержку. Приносили еду, теплую одежду, деньги. Митинги, организованные коммунистической и социалистической партиями, Генеральным советом японских профсоюзов, прокатились по всей стране. Участники их посылали кабинету министров, парламенту, корпорации резолюции протеста против насилия, совершенного над больными. В парламенте оппозиционные депутаты выступали с запросами правительству. Корпорация ответила тем, что призвала правые организации охранять здание. „Тиссо” предоставила бандитам в своих помещениях полную свободу действий в отношении демонстрантов: когда капитал слаб в аргументах, он прибегает к палке.

Перья стреляют дальше пушек и разят подчас сильнее. После избиения больных корпорация испытала на себе сокрушающие удары яростного слова демократической печати. И „Тиссо” отточила собственные перья, ядовитые и гнусные. В книжных магазинах и киосках появилась брошюрка с названием длинным и двоедуш-

ным: „Допустимо ли насилие под предлогом установления ответственности?“. В брошюрке говорилось: „Больные, настаивающие на прямых переговорах с корпорацией, постоянно оказывают давление на „Тиссо“ хулиганством и избиением служащих. Пытаться насилием добиться осуществления чрезмерных требований незаконно и, значит, преступно“.

Однако нравы говорящего убеждают, как известно, больше, чем его речи. За два с половиной года существования у входа в „Тиссо“ палаточного лагеря корпорация 33 раза возбуждала против Тэруо Кавамото судебные дела о нападении на служащих или о бесчинстве. И неизменно обвинение рушилось вследствие неопровержимых доказательств, что за солидную мзду служащие корпорации сами наносили себе побои, а ломали мебель и били стекла молодчики из правых шаек по указанию руководства „Тиссо“.

Почерк „Тиссо“ угадывался и в письмах, которые вдруг посыпались из Минамата в палаточный лагерь. „Больные! Что станет с поселком, если надуманными денежными требованиями вы разрушите корпорацию? Где мы найдем работу?“ — строки одного из писем. „Если следовать вашему примеру, то деньги у корпорации скоро начнут вымогать умалишенные и алкоголики“ — содержание другого письма. Тайнственными путями о письмах узнавали буржуазные газеты и публиковали их. Пути эти вполне прояснились, когда о некоторых письмах сообщили сначала газеты, а уж потом их принес в палаточный лагерь почтальон.

Корпорация замыслила расправиться с „Группой прямых переговоров“, когда поняла, что суд в Кумамото приближается к неблагоприятному для „Тиссо“ концу. Проигрыш судебного дела вынудил бы пойти на уступки „новым“ больным. Поэтому заставить их отказаться от требований к корпорации сделалось для „Тиссо“ первоочередной заботой. „Центральный совет по конфликтным проблемам, связанным с загрязнением среды“ вступил в сговор с корпорацией. Совет — тот самый „беспристрастный“ арбитр между предпринимателями и жертвами уничтожения природы, на посредничестве которого настаивал президент „Тиссо“ Кэнити Симада во время встречи с Тэруо Кавамото.

В палаточном лагере в Токио осаду „Тиссо“ вели руководители группы. Больные — члены группы оставались в Минамата. В один из январских дней 1973 года „Центральный совет по конфликтным проблемам, связанным с загрязнением среды“ уведомил Кавамото, что подавляющее большинство группы согласилось поручить совету рассудить спор с „Тиссо“. Имеется письменное прошение „новых“ больных об этом, сообщил совет. Он предложил Кавамото прекратить сидячую демонстрацию у здания корпорации и присоединиться к членам группы. Кавамото и 12 его сподвижников немедленно направились в совет.

Там долго отказывались предъявить прошение. Только угрозой начать в стенах совета сидячую демонстрацию заставил Кавамото

показать документ. Кавамото внимательно прочитал его, затем стал всматриваться в подписи и именные печати, какими в Японии удостоверяют подпись.

— Минутку! Минутку! — вскричал кто-то из пришедших вместе с Кавамото больных. Он заглядывал в документ из-за плеча Кавамото. — Да этот человек уже умер! — Больной ткнул пальцем в подпись. — Как он смог приложить свою печатьку?

Кавамото пустил прошение по рукам.

— Смотрите! Иероглифы на печати не те, что в подписи!

— А это что такое? Моя фамилия? И моя печатька? Но ведь я не подписывал прошение!

— Подделка! Ложь! — взорвались больные. Листки разорванного в клочья прошения взлетели к потолку.

В здание совета прибыла полиция. Нет, не для того, чтобы арестовать участников совета за подлог, за кражу именных печаток и использование их в корыстных целях. Полиция выгнала из помещения совета Тэруо Кавамото и его друзей.

20 марта 1973 года окружной судья города Кумамото Дзиро Сайто зачитал вердикт по иску 39 семей из Минамата к корпорации „Тиссо“. 22 марта в палаточном лагере у здания корпорации собралась тысячная толпа. Приехавших из Минамата отличали белые матерчатые ленты, от плеча к поясу перехватывавшие грудь. На лентах значилось: „Жертва „болезни минамата““. Суд в Кумамото дал в руки „новых“ больных серьезное оружие в борьбе с „Тиссо“ — вердикт, который обязал корпорацию выплатить значительные суммы в качестве компенсации за отравление ртутью. Поддержать больных пришли члены общественных организаций. Предстоящую встречу „Группы прямых переговоров“ с президентом „Тиссо“ Кэнити Симада намеревалось транслировать телевидение.

Больные столпились перед входом в здание. Из зарешеченных стальными прутьями окон служащие „Тиссо“ с враждебной настороженностью следили за толпой. Решетки появились на окнах, когда „Группа прямых переговоров“ поставила у подъезда палатку. Двери распахнулись, и больные прошли в конференц-зал.

В сопровождении свиты из членов совета директоров и управляющих в зале появился Симада. По его знаку юрист корпорации зачитал заявление. „Тиссо“ признает свою ответственность за возникновение „болезни минамата“, указывалось в заявлении. „Согласно решению суда, корпорация возместит ущерб, нанесенный болезнью“, — говорилось в заявлении дальше. И ни слова о требованиях „новых“ больных.

Кавамото поднялся с места и еще раз перечислил эти требования: предоставить пенсии „новым“ больным и семьям, потерявшим из-за „болезни минамата“ кормильцев; оплачивать лечение „новых“ больных и уход за ними; выдать единовременную компенсацию за потери, вызванные отравлением залива Минамата. Симада слушал Кавамото с таким видом, будто знакомился с требованиями

Тэруо Кавамото и президент „Тиссо” Кэнити Симада.
Последняя встреча

впервые. Когда Кавамото умолк, Симада, пошептавшись со свитой, сказал:

— Корпорация удовлетворит требования, насколько позволит ее финансовое положение.

Конференц-зал огласился протестующими возгласами.

— Нет! Такой ответ нас не устраивает! — закричал Кавамото. Он вспрыгнул на стол и сел, поджав скрещенные ноги, перед президентом. — Не роскошной жизни мы добиваемся от вас, господин президент, — медленно произнося слова, втолковывал Кавамото. — Мы хотим жить как люди, хотим лечиться, чтобы умерить страдания, хотим облегчить муки больных детей, хотим встретить смерть, когда настанет ее час, с сердцем, в котором не будет горечи и боли, вызванных несправедливостью. — Кавамото придвинулся к президенту еще ближе и не отрываясь смотрел ему в глаза.

— Вы верующий, господин президент?

— Да.

— Вы молитесь?

— На моем домашнем алтаре лежит список больных, и я молюсь за них. . .

Мир, вероятно, еще не знал столь подлого лицемерия.

К президенту протолкалась Фумиё Хамамото.

— А моя фамилия есть в вашем списке? — Высокий и резкий голос Фумиё перекрыл шум в зале. — Я родилась женщиной, но не знаю, что такое любовь! — Шум стих. Отца Фумиё — Сохати Хама-

мото, самого удачливого в Минамата рыбака, — помнили все. Помнили и самоотверженность Фумиё, которая девять лет старалась облегчить мучения матери. Сейчас на руках Фумиё остался брат Цугинори, который с каждым днем все меньше двигался. — Мне уже 42 года, но я так и не была ни женой, ни матерью, хотя небо сохранило мне здоровье! — Фумиё задохнулась от крика и перевела дыхание. — Может, вы молитесь и за меня, за мою окаянную жизнь?

Симада побледнел. Секретарь услужливо вытирал махровой салфеткой пот с его лба. Свита наперебой что-то подсказывала президенту. Симада встал, чтобы установить тишину, и сказал:

— Мне очень жаль, но финансовое положение корпорации не позволяет удовлетворить ваши требования.

Звон разбитого стекла и стук разлетевшихся по залу осколков заставили всех вскочить. Рыбак Кимито Ивамото, неделю назад после шестилетней проволоочки признанный медицинской комиссией больным, ударил массивной пепельницей по столу. Осколки глубоко рассекли руку Ивамото, и кровь залила стол.

— Как я буду жить, если не получу компенсацию!

Симада покачулся. словно защищаясь, он выбросил вперед ладони.

— Да, да! Мы заплатим! Мы за все заплатим!

Теперь шоковое состояние охватило членов совета директоров и управляющих. Президент согласился выплатить деньги „новым” больным! Сколько их еще будет, руководство корпорации предсказать не могло. Оно знало только, что „новых” больных будет много, очень много, потому что на дне залива Минамата скопилось 600 тонн ртути.

В защиту здоровой среды обитания

Токийский Научно-исследовательский институт по проблемам природной среды ютится на втором этаже жилого дома, затерявшегося в паутине узких переулков столичного района Синдзюку. В институт ведет со двора шаткая железная лестница, по которой впору лазить пожарным, а не подниматься ученым. Тесная комната с двумя письменными столами, несколькими потертыми стульями, керосиновой печкой для обогрева и самодельными полками вдоль стен так не соответствовала табличке у входа, что я подумал, не ошибся ли дверью? Фумисато Ватанабэ, директор института, заметил мое недоумение и рассмеялся.

— В Японии богато живут лишь те исследовательские институты, которые содержатся корпорациями. Мы же существуем вопреки желанию корпораций. Отсюда наша бедность. — Ватанабэ повел рукой вокруг себя, как бы приглашая еще раз убедиться в этом.

К Фумисато Ватанабэ привело меня желание узнать побольше об общественном движении в Японии против загрязнения среды. Этот институт занимается не только исследованиями в области экологии, но и координирует выступления в защиту природы.

— Загрязнение среды превратилось в общенациональное бедствие, — сказал Ватанабэ. — Это вынуждено признать и правительство.

Ватанабэ протянул мне годовой отчет Управления по охране окружающей среды. Доклад начинался словами: „Япония страдает от промышленного загрязнения, вероятно, больше, чем какая-либо другая страна в мире. Несмотря на ряд мер по контролю над загрязнением и на застой в экономическом развитии, загрязнение среды усиливается”.

— Контроль, о котором здесь говорится, — Ватанабэ постучал пальцем по докладу, — не приносит результата, да и не может принести — управление слишком послушно предпринимателям. Но противостоять общенациональному бедствию можно, если объединить усилия всего народа.

Ватанабэ положил передо мной книжку. „Список организаций, участвующих в гражданских движениях” — гласило ее название.

— Взгляните, сколь широко развернулась борьба за спасение природы от уничтожения, — продолжал Ватанабэ. — Нет префектуры или города в Японии, где люди не поднялись бы на эту борьбу.

В стостраничном списке, напечатанном типографским способом, действительно перечислялись наименования нескольких тысяч организаций, созданных в разных уголках Японии и поставивших своей целью спасение окружающей человека среды. В одном Токио я насчитал 104 такие организации.

— Особенность гражданского движения в защиту среды заключается в том, что в нем участвуют представители всех слоев населения, независимо от политических симпатий и убеждений, — сказал далее Ватанабэ. — До недавнего времени люди, обеспокоенные угрозой гибели живой природы, апеллировали к правительству, к парламенту, но безуспешно: уничтожение природы продолжается. И тогда простые японцы поняли, что должны включиться в борьбу сами.

Ватанабэ повел меня вдоль полок, уставленных папками. „Общество заботы о чистоте устья реки Аракава”, „Совет борьбы против загрязнения среды заводом в Ниита”, „Ассоциация противников строительства скоростной автотрассы через жилой массив в районе Кита”, — читал я на корешках папок.

— Каждая организация добивается решения совершенно конкретной задачи, — пояснил Ватанабэ. — Например, „Общество заботы о чистоте устья реки Аракава”, объединяющее тех, кто проживает в местах при впадении Аракава в Токийский залив, собирает подписи под требованием прекратить сброс промышленных отходов в речную воду. — Ватанабэ раскрыл папку и перелистал копии требований. — Эти требования, — продолжал он, — члены общества в ру-

чают хозяевам расположенных по берегам Аракава заводов. Если хозяева отмахиваются от требований, общество подает на них в суд.

Я вспомнил „Группу прямых переговоров с „Тиссо“. Группа тоже преследовала очень ясно очерченную цель: заставить „Тиссо“ выплатить больным справедливую компенсацию. Группа достигла цели, хотя далось ей это нелегко.

Я попросил Ватанабэ назвать другие организации, которые добились успеха в борьбе. Ватанабэ протянул две папки. Из документов, собранных в одной из них, я узнал, что рыбаки и крестьяне местечка Усуки в префектуре Ойта, поддержанные профсоюзами, студентами и профессорами префектуральных высших учебных заведений, объединились в „Общество защиты природы в Усуки“ и не позволили фирме „Осака сэмэнт“ построить в местечке цементный завод. У рыбаков и крестьян стоял перед глазами трагический пример соседнего поселка, где пыль с цементного завода погубила все живое на много километров вокруг. В другой папке были собраны свидетельства о борьбе и победе жителей побережья залива Хирота в префектуре Иватэ. Там „Союз борьбы за спасение красоты залива Хирота“ не допустил засыпки прибрежных участков моря для строительства промышленных предприятий.

А потом я услышал от Ватанабэ о случае, беспрецедентном в истории борьбы против расправы предпринимателей с живой природой. Он рассказал, как на защиту среды поднялась целая префектура вместе с префектуральным собранием, хотя большинство в нем отнюдь не принадлежит демократическим партиям.

— Знаете ли вы, что означает для японцев озеро Бива? — начал Ватанабэ с вопроса.

Разумеется, я знал, что японцы почитают и любят самое большое озеро в стране не меньше, чем священную гору Фудзи, что красота Бива вдохновляла художников и поэтов многих поколений.

Знал я и о том, что в наши дни Бива привлекло к себе внимание ученых, ибо до недавнего времени озеро считалось, наряду с Байкалом, самым чистым водоемом на земле. Сейчас овеянное романтикой название озера значится в справках о загрязнении природы, составляемых Управлением по охране окружающей среды, и соседствует в них с Минамата, Агано, Дзинцу, Ёккаити, сделавшихся символами общенациональной трагедии.

— Лет десять назад от жителей Осака, Киото, Кобэ и других городов центральной Японии посыпались жалобы на дурной запах водопроводной воды, — продолжил рассказ Фумисато Ватанабэ. — Чай в знаменитых чайных домиках Киото перестал приводить в восторг знатоков и туристов — напиток отдавал смрадным духом. И взоры жителей этого района обратились к озеру Бива, ведь оно не только прекрасная природная достопримечательность, но и естественный резервуар питьевой воды для 13 миллионов человек.

В озере появился красный планктон, источавший яд. По мере размножения планктона гибла рыба и тускнела вода. В южной части

озера, где раньше можно было видеть дно на глубине нескольких метров, вода просматривалась теперь лишь на 80 сантиметров. Рост планктона и помутнение воды вызвали детергенты — синтетические моющие средства, которые вместе с отходами сливались в озеро из сотен отелей, ресторанов, кафе, построенных на его берегах. 96 процентов жилых и общественных зданий вокруг озера не имеют канализации. Там нет сооружений, очищающих стоки, и ничем не обезвреженные детергенты беспрепятственно попадали в Бива. Над озером нависла гибельная опасность.

Ватанабэ разложил передо мной документы — резолюции массовых митингов и небольших собраний, петиции к властям, листовки, показал даже плакат: на фоне зеленых берегов художник изобразил пронзительно-синюю водную гладь, по которой растекается кроваво-красное пятно.

120 общественных организаций префектуры Сига — на ее территории расположено Бива — поднялись на спасение озера. Лозунг „Долой осквернение озера Бива!“ объединил 500 тысяч членов этих организаций. В течение двух-трех недель были образованы комитеты борьбы во всех городах и поселках префектуры. В них вошли рабочие, служащие, рыбаки, домохозяйки, священники, студенты.

Префектуральный совет не рискнул остаться в стороне от движения. Губернатор префектуры заявил: „Нам давно следовало обратить внимание на загрязнение озера и подумать, как его спасти. Может быть, уже слишком поздно, но мы должны сделать, что в наших силах“. Поздно — это все же лучше, чем никогда, и общественные организации не стали укорять префектуральных законодателей, потому что понимали: единство — залог успеха в борьбе.

Общественные организации призвали жителей префектуры отказаться от использования детергентов. На призыв откликнулось свыше миллиона человек, хотя мыльный порошок, применять который рекомендовала общественность, стоит дороже, чем детергенты. Хозяева отелей, ресторанов, кафе открыто не выражали недовольства действиями общественности, но призыву ее не последовали. И тогда префектуральное собрание предприняло шаг, охарактеризованный печатью и смелым, и беспрецедентным, и опасным — в зависимости от политической окраски газет. Префектуральное собрание проголосовало за указ, запрещающий продажу, использование и даже передачу в подарок синтетических детергентов на территории префектуры. Указ вступает в силу с октября 1980 года. Одновременно депутаты потребовали от правительства выделить 3,2 миллиарда иен на строительство в префектуре отстойников для сточных вод и обратились к химической промышленности с предложением выпускать синтетические моющие средства без вредных примесей.

Ассоциация предпринимателей, производящих детергенты, немедленно бросилась в контратаку. „Указ префектурального собрания

**Демонстрация протеста против монополии „Тиссо”,
в защиту рыбаков Минамата**

посягает на права человека”, — заявила ассоциация. Предприниматели всегда вспоминают о человеческих правах, когда возникает угроза для права большого бизнеса наживаться любой ценой. Ассоциация обвинила префектуральное собрание в нарушении конституции, гарантирующей свободу заниматься бизнесом, однако она предпочла не упоминать, что та же конституция декларирует использовать права исключительно в интересах общественного благосостояния.

Подали свой голос министерство юстиции и Управление по охране окружающей среды. Они назвали указ префектурального собрания незаконным. Министерство и управление сочли за лучшее не ссылаться на конституцию, которая провозглашает обязанность государственных органов заботиться об осуществлении японцами права на жизнь и на стремление к счастью. Министерство и управление подтвердили истинность крылатой фразы: когда говорят деньги, законы безмолвствуют.

Но не безмолвствовали прогрессивные организации, выступившие в поддержку префектурального собрания по всей стране. Двухтысячный митинг в Токио поддержал указ, запрещающий детергенты в префектуре Сига. Всеяпонский профсоюз работников водопровода и канализации провел 17 ноября 1979 года чрезвычайный съезд, который воззвал к собраниям префектур, расположенных на берегах Внутреннего японского моря, Токийского залива, залива Исэ, озера Сува, последовать примеру префектурального собрания в Сига и повести борьбу с предпринимателями, посягающими на природную среду.

Ватанабэ разыскал в стопке документов стенографический отчет сессии префектурального собрания в Сига и зачитал ответ депутатов на заявления Ассоциации производителей детергентов, министерства юстиции и Управления по охране окружающей среды. „Право людей на благосостояние выше права на ведение бизнеса, — указывалось в ответе. — Мы хотим установить новые отношения между человеком и природой”.

— Оказывает ли борьба с предпринимателями влияние на судебное разбирательство дел о загрязнении среды? — спросил я Ватанабэ.

— Без сомнения, — ответил он. — Суды все чаще принимают к производству дела о загрязнении среды и, случается, карают предпринимателей. Возьмите, к примеру, уголовный процесс над бывшими руководителями корпорации „Тиссо”, который завершился в марте 1979 года. Приговор очень отличается от того, что вынес окружной суд города Кумамото в марте 1973 года по иску жителей Минамата. Нынешний приговор вряд ли был бы возможен лет пять—десять назад.

Ватанабэ имел в виду первый в истории Японии случай, когда за загрязнение среды и за смерть людей, вызванную загрязнением, к уголовной ответственности были привлечены руководители бизнеса.

Среди 71 погибшего от „болезни минамата” находились Ивадзо Фунаба, заболевший в зрелом возрасте, и Косаку Уэмура, родившийся больным. Их семьи подали в суд на Киити Ёсиока, который занимал пост президента „Тиссо” в момент заболевания Фунаба и рождения Уэмура, и на Эйити Нисида, тогдашнего директора завода в Минамата. Четыре года заседал суд и решил: Ёсиока и Нисида виновны в непредумышленном убийстве, которое стало возможным из-за пренебрежительного отношения ответчиков к своим обязанностям по защите среды от загрязнения.

Ёсиока и Нисида отделались довольно легко. Суд приговорил их к двум годам тюремного заключения условно с трехлетним испытательным сроком. Однако важно другое. Суд установил ответственность за загрязнение среды главы корпорации, хотя он и не занимался непосредственно производством — выпуском ацетальдегида. Внимание всей Японии привлекло и частное определение суда. „Если бы министерство внешней торговли и промышленности и министерство здравоохранения своевременно предприняли административные меры в отношении завода в Минамата, — записал в вердикте суд, — подсудимые не смогли бы продолжать относиться с беспечностью к сбросу заводом отходов производства”. В самом деле, без всеяпонского движения солидарности с борьбой жителей Минамата против корпорации „Тиссо” суд бы не вынес обвинения ни большому бизнесу, ни властям.

— Пока что подобный приговор — исключение, — с сожалением сказал Ватанабэ. — Обычно суды решают по-иному. — Ватанабэ раскрыл папку с надписью: „Дело завода „Нихон аэродзиру””.

В городе Ёккайти на заводе фирмы „Нихон аэродзиру” из резервуара вытекли 460 килограммов жидкого хлора. Был отравлен воздух в районе площадью 10 квадратных километров. Получили тяжелые заболевания 10 тысяч человек. Погиб урожай у местных крестьян. Несчастье было вызвано несоблюдением фирмой правил безопасности на заводе и нежеланием дать соответствующую подготовку рабочим, занятым на химических агрегатах. Суд приговорил к тюремному заключению четырех рабочих и взыскал ничтожный штраф с фирмы.

— Вопиющая несправедливость приговора состоит в том, — прокомментировал Ватанабэ документы, собранные в папке, — что суд наказал не руководителей фирмы и завода, а рабочих, выполнявших указания этих руководителей. — Ватанабэ возмущенно потряс папкой и бросил ее на стол. — Попробовали бы послушаться хозяев рабочие завода „Нихон аэродзиру”, их немедленно уволили бы. Рабочий всегда виновен, как бы он ни поступил; хозяин всегда прав — ситуация, типичная для Японии. Денежный штраф настолько мал, что фирма не почувствует его. — Ватанабэ еще раз пробежал глазами текст вердикта по делу о заражении хлором в городе Ёккайти и добавил: — Предприниматели конечно же довольны исходом суда. И даже не потому, что избежали заслуженной кары. Суд выставил преступниками рабочих — людей, борющихся против капитала.

Ватанабэ прав. Классовый характер приговора очевиден. Пострадали рабочие, остались безнаказанными предприниматели.

Больше всего на полках книг и документов, относящихся к „болезни минамата”. Я обратил внимание Ватанабэ на это.

— Несмотря на судебные решения, „Тиссо” и власти всячески препятствуют больным из Минамата воспользоваться правом на получение денежной компенсации, — сказал Ватанабэ. — Медицинские комиссии — теперь их в префектуре Кумамото несколько — по-прежнему отказывают больным в выдаче сертификатов, удостоверяющих отравление ртутью, подолгу тянут с признанием „болезни минамата” у тех, кому не выдать сертификат не могут. Сидячие демонстрации жителей Минамата в Управлении по охране окружающей среды длятся неделями.

Весной 1978 года я был свидетелем такой демонстрации, вернее, ее финала: 300 полицейских, специально натренированных разгонять митинги и подавлять забастовки, вышвырнули из здания управления 13 больных. Многие из них не могли даже прикрыть голову и лицо от ударов — изуродованные болезнью руки висели как плети. 23 дня лежали больные на бетонном полу в управлении, надеясь вызвать сострадание и получить поддержку, которая бы побудила медицинские комиссии префектуры признать у них „болезнь минамата”. За эти 23 дня начальник управления — министр в правительственном кабинете — спустился к больным лишь однажды. Он бросил короткое „нет” на просьбу больных о помощи. „Насилие полиции над демонстрантами имело одну положительную сторону, — написала газета „Майнити”. — Оно показало, что управление полностью игнорирует собственные обязанности в отношении жертв „болезни минамата”.

Тэруо Кавамото — он находился в числе демонстрантов — сказал мне: „Управление по охране окружающей среды мы называем „управлением по охране от ответственности виновников загрязнения среды”. Сейчас вы убедились, как тщательно несет управление эту охрану”.

Охраняет интересы корпорации „Тиссо” не только управление.

Депутат парламента от правящей либерально-демократической партии Таи Морисита публично заявил: „Я хотел бы жить в префектуре Кумамото и оказаться жертвой „болезни минамата”. Стать такой жертвой — верный способ делать деньги”. Морисита грязно обвинил в корысти людей, которых предприниматели-преступники превратили в калек, выступая на собрании в Федерации экономических организаций — штабе японских монополистов. Участники собрания зааплодировали депутату. Высказывание Морисита они расценили как поддержку их стараний избежать ответственности за промышленный геноцид и как заверение либерально-демократической партии содействовать продолжению геноцида — ведь Морисита возглавляет комиссию по вопросам охраны среды в руководстве ЛДП. Воистину, каков бонза, такова и вера, как гласит японская поговорка. Собственно, иного отношения к жертвам

„болезни минамата” участники собрания и не ожидали от Таи Морисита. Он — президент химической фирмы „Морисита дзинтан”, рыльце которой, что касается загрязнения природы, не в пуху, а в огромных перьях.

Кабинет министров разрешил префектуре Кумамото выпустить займ на сумму 3,4 миллиарда иен. Деньги предназначаются „Тиссо”. 60 процентов облигаций купило за счет государственного бюджета министерство финансов. „Деньги налогоплательщиков используются для того, — указывала газета „Майнити дейли ньюс”, — чтобы уберечь снискавшую печальную славу корпорацию от сокращения прибылей. Мера правительства идет вразрез с принципом „отравитель среды платит”, — подчеркнула газета. — Если небывалый случай спасения частного предприятия усилиями центральной и местных властей сделается правилом, ответственность частного сектора за загрязнение среды растет как дым”.

Материальная ответственность предпринимателей за загрязнение среды и без того не слишком велика. В 1979 году правительство израсходовало 1,2 триллиона иен на меры по охране природы. Местные власти потратили в 1978—1979 годах 1,9 триллиона иен. А лепта предпринимателей оказалась куда мельче — 417 миллиардов иен. В течение 1979 года предприниматели заплатили за свои развлечения в ночных клубах, ресторанах и барах в 7 раз больше. Иными словами, жертвам хищнической политики монополистов самим же приходится компенсировать нанесенный им ущерб. Правительство и местные власти расходуют на природоохранные меры средства, изъятые у народа в виде налогов и иных поборов.

— Не получается ли так, что борьба против загрязнения среды превращается в движение против экономического развития? — задал я вопрос Фумисато Ватанабэ. В папках, которые я снимал с полок, я прочитал о противодействии жителей возведению заводов, прокладке дорог и нефтепроводов, сооружению аэропортов.

— Заставить предпринимателей создавать очистные сооружения удастся редко, — сказал Ватанабэ. — Строительство очистных сооружений делает производство дороже и приводит к сокращению прибылей. Там, где предприниматели все же устанавливают приспособления для очистки сбросовых вод, для фильтрации дыма, они стремятся поднять цены на производимые товары, снизить заработную плату рабочим. — В голосе Ватанабэ звучало негодование. — То есть страдает опять-таки народ. Поэтому предотвращение нового промышленного строительства, основывающегося на прежней технологии, нам кажется самым эффективным средством защиты среды.

Ватанабэ подошел к полке со справочниками, ежегодниками, словарями и взял с нее отпечатанную на гектографе и аккуратно переплетенную брошюру. Это был японский перевод постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР „Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов” и других законов, принятых в нашей стране и направленных на защиту окружающей среды.

— У вас проблема решается проще, — сказал Ватанабэ. — В Советском Союзе заводы, фабрики, которые выделяют загрязняющие продукты, и земля, реки, озера, куда загрязнители удаляются, принадлежат одному хозяину — социалистическому обществу. А какой же хозяин допустит, чтобы, выгадывая на строительстве предприятий, терять неизмеримо больше вследствие уничтожения природы? — Ватанабэ помолчал и, вспомнив, видимо, мой вопрос о том, не оказывается ли борьба в защиту среды объективно борьбой против хозяйственного строительства, раздумчиво продолжил: — Мы далеки, конечно, от желания превратить природу в неприкасаемого идола. Мы хотим, чтобы предприниматели учитывали все последствия экономического роста и выбирали такие формы хозяйственного развития, которые не нарушали бы экологического равновесия. Однако, — голос Ватанабэ снова приобрел резкость, — капитализм неспособен разумно и трезво смотреть вперед.

Заглянуть в будущее попыталось Управление по охране окружающей среды, не слишком, правда, далеко — в 1985 год, и тяжкая картина предстала ему. Если японская экономика станет развиваться в предстоящем пятилетии весьма скромными темпами, какими двигалась в 1975—1980 годах, то даже в этом случае выброс в окружающую среду, например, окислов серы достигнет в 1985 году 9,3 миллиона тонн, окислов азота — 4,3 миллиона тонн. В 1972 году, который управление взяло за отправную точку расчетов, эти показатели составляли 5,6 миллиона тонн и 2,4 миллиона тонн соответственно.

Судя по прогнозу управления, в 1985 году японские заводы и фабрики будут ежедневно спускать в воду 48 тысяч тонн органических загрязнителей. Известный французский океанограф Жак Кусто предсказывает гибель Мировому океану через 50 лет, если не будут приняты действенные природоохранные меры в международном масштабе. Доведись Жаку Кусто познакомиться с выкладками японского Управления по охране окружающей среды, океанограф, вероятно, сделал бы оговорку: гибель японских рек, озер и прибрежных участков моря настанет вдвое скорее.

Управление вычислило, что в 1985 году предприятия произведут 600 миллионов тонн твердых промышленных отходов — вдвое больше, чем в 1972 году. К ним добавятся 60 миллионов тонн бытовых отходов. Такое количество промышленного и бытового сора способно покрыть страну слоем в 2,5 сантиметра.

Статистика, что и говорить, мрачная, и она встревожила японскую общественность. В 1979 году общественные организации провели Неделю охраны природы. На митинге, которым открылась Неделя, была принята декларация. В ней сказано:

„Защита окружающей среды — такая же важная задача человечества, как сохранение мира, уничтожение нищеты и достижение демократии. Будущее человечества зависит от того, сумеем ли мы решить эти задачи. Люди! Пусть экологическая трагедия Японии явится для вас грозным предостережением”.

Содержание

„РАССКАЖИТЕ ВСЕМ! . .”	3
„КОШАЧЬЯ ПЛЯСКА”	7
100 000 ЖЕРТВ	12
ПРОМЫШЛЕННЫЙ ГЕНОЦИД	19
БУНТ В МИНАМАТА	27
СУД НАД „ТИССО”	32
БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ	44
В ЗАЩИТУ ЗДОРОВОЙ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ	52

Владимир Яковлевич Цветов
ОТРАВИТЕЛИ ИЗ „ТИССО”

В брошюре использованы
иллюстрации из книги
„Minamata”. An Alskog-Sensorium Book
N-Y, 1975.

Заведующий редакцией *В. Т. Пискунов*

Редактор *Е. М. Аветисян*

Младший редактор *В. В. Голоднов*

Художник *Г. Ш. Басыров*

Художественный редактор *С. И. Сергеев*

Технический редактор *М. И. Токменина*

ИБ № 2527

Сдано в набор 11.01.80. Подписано в печать 07.05.80.
А 08201. Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура „Пресс-Роман”. Печать офсетная. Условн.
печ. л. 3,36. Учетно-изд. л. 4,21. Тираж 300 тыс. экз.
Заказ № 4719 . Цена 15 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Брошюра набрана в издательстве
на наборно печатающих автоматах.

Ордена Ленина типография „Красный пролетарий”.
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.